

Морские титаны

Автор:

[Густав Эмар](#)

Морские титаны

Густав Эмар

Морской авантюрный роман

Капитан Лоран, Монбар Губитель и огромная флибустьерская эскадра готовят штурм неприступного форта Сан-Лоренсо-де-Чагрес, который является ключом к основной цели пиратов – захвату Панамы и золотого запаса испанской короны.

«Морские титаны» французского писателя Гюстава Эмара (1818–1883) продолжают грозные события, начатые в романе «Береговое братство».

Гюстав Эмар

Морские титаны

Gustave Aimard. «Les Titans de la mer», 1873

Печатается по изданию: Густав Эмар. «Морские титаны». – СПб., издание Е.Н. Ахматовой, 1874.

© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

Глава I. Уже забытый, вероятно, читателями Каскабель появляется вновь

Когда стали разъезжаться с корвета, где капитан Сандоваль так обильно угощал своих гостей, дон Рамон де Ла Крус упросил дона Фернандо сесть к нему в шлюпку. Дон Фернандо дал уговорить себя тем охотнее, что в губернаторской шлюпке он мог пробыть несколькими минутами дольше с доньей Флорой, обменяться с ней словом-другим, упиваться ее взглядами.

К несчастью, переправа была делом нескольких минут.

Сойдя на берег, дон Фернандо раскланялся с дамами, пожал руку дону Хесусу и простился с губернатором, который опять повторил, что всегда к его услугам.

У таможни молодого человека ожидал слуга с лошадьми. Он вскочил в седло и не торопясь поехал домой, перебирая в уме все, что с ним случилось приятного в это радостное утро, которому он с эгоизмом влюбленного не желал бы видеть конца.

В нескольких шагах от дома он был внезапно остановлен толпой пеонов, индейцев, солдат – словом, всех празднующихся, которыми полны большие города.

Это сборище людей запрудило улицу во всю ее ширину, немного не доходя до решетки перед Цветочным домом.

Дону Фернандо поневоле пришлось остановиться.

Он привстал в стременах поглядеть, что происходит. Благодаря тому, что с лошади все было прекрасно видно, он понял причину скопления народа, который прибывал с каждой минутой. Всеобщий интерес вызывал индеец-метис с зеленоватыми пятнами по всему телу, которые своим видом изображали тигровую шкуру.

Внезапное воспоминание огненной стрелой мелькнуло в сознании дон Фернандо.

Ему показалось, что он видит этого странного человека не в первый раз, он уже где-то встречался ему, но где, при каких обстоятельствах – этого он припомнить не мог.

Знаком он подозвал к себе Юлиана.

Тот поспешно подошел.

– Ты знаешь этого человека? – спросил дон Фернандо.

– Какого, ваше сиятельство? – почтительно спросил паж.

– Того, кто разглагольствует среди толпы народа, безобразного индейца, размалеванного, словно дикий зверь.

– О, ваше сиятельство! Он хорошо известен. Это Каскабель!

– Что это за имя?

– Так зовут или, вернее, прозвали этого человека.

– Каскабель ведь, кажется, значит «гремучая змея»?

– Так точно, ваше сиятельство.

– Почему же он получил такое прозвище?

– Он заклинатель змей и имеет дело преимущественно с гремучими змеями, потому...

– И назван по имени своего самого грозного актера?

– Именно.

- Понимаю. Слушай, когда мы доберемся до дома, ты позовешь этого факира во двор. Он искусен?

- Чудеса делает - страшно глядеть!

- Тем лучше, я не прочь лично удостовериться в его искусстве. Ты понял меня?

- Так точно, ваше сиятельство.

Не без ропота толпа расступилась перед лошадьми; граф и его провожатые проехали осторожно, чтобы никого не задеть, и дон Фернандо попал наконец к себе домой.

Он сошел с лошади и приказал Мигелю, который выбежал к нему навстречу, поставить стулья на веранде, потом быстро направился в свои комнаты и переменял великолепный костюм на менее пышный, но изящного покроя и отличного вкуса.

Он еще не успел переодеться, как вошел Юлиан и доложил, что приказание его сиятельства исполнено и Каскабель ждет во дворе его распоряжений.

Вскоре дон Фернандо появился на веранде и сел, окруженный своими слугами.

В течение двух-трех минут глаза молодого человека внимательно изучали индейца, который, скрестив руки на груди и опустив лицо с бегающими глазами, стоял в десяти шагах от веранды возле своего худого и ободранного мула, навьюченного разнообразными корзинами необычной формы.

Вероятно, дону Фернандо пришла в голову какая-то мысль, потому что он внезапно улыбнулся и знаком позвал к себе индейца.

Безобразный заклинатель змей подошел и неловко поклонился, вертя в грязных руках служивший ему головным убором уродливый обрывок чего-то, что некогда могло быть шляпой.

- Кто ты, негодяй? - спросил граф.

- С вашего позволения, сиятельный граф, я – бедный индеец.

- Я не о том спрашиваю, это и так видно.

- Я честный человек, ваше сиятельство, и хорошо известен...

- В Сеуте и других подобных местах?.. – резко перебил его граф.

- Ваше сиятельство, – заискивающе возразил индеец, – свет так зол! У кого из нас нет врагов? Можно попасть на галеры его католического величества короля Филиппа Четвертого и все-таки не быть ни вором, ни убийцей.

Дон Фернандо не имел понятия об истории этого человека. Он упомянул о Сеуте наугад, по одному его виду висельника. При неожиданной удаче, которой совершенно не ожидал, он невольно заинтересовался и принял решение продолжать этот странный допрос.

- Кроме воровства и убийства есть проступки, заслуживающие примерного наказания.

- Раб не волен в своих действиях, ваше сиятельство, он обязан повиноваться господину.

- Только в известных пределах, – строго сказал граф, – и господин, не опозорив себя, не может доводить своей власти до того, чтобы приказывать...

- Похищение! Да, вот моя вина! Но что мог сделать я – ничтожный, презренный раб? Сам господин мой был орудием человека, власть которого не знала границ... Девушка была похищена, это правда...

- Вместе с матерью, – глухим голосом перебил дон Фернандо.

Индеец в ужасе поднял голову.

- А! Вы все знаете, ваше сиятельство! – вскричал он задыхающимся голосом.

– И еще многое другое. Что случилось с этими двумя женщинами?

Индеец опустил голову и ничего не ответил.

– Будешь ты говорить, презренный?

– Я не знаю, – нерешительно сказал Каскабель. – Тотчас после похищения я был арестован и перевезен в Сеуту...

– Откуда ты сбежал!

– Нет, ваше сиятельство; некий пожелавший остаться неизвестным доброжелатель снабдил меня средствами, чтобы я мог перебраться в Америку, когда после двух лет мук и страданий губернатор Сеуты велел однажды привести меня к себе и объявил, что я волен дать себя повесить, где хочу.

– И ты не знаешь имени великодушного человека, который выручил тебя?

– Я всегда думал, что это мой прежний господин; быть может, он женился на девушке, которую я помог ему похитить, и потому, больше не опасаясь, что я кому-то что-либо открою, наконец сжалился надо мной.

– Это возможно, хотя и не очень вероятно. Как звали твоего господина?

– Имени его я никогда не знал, ваше сиятельство... впрочем, вам оно наверняка хорошо известно.

– Я хочу удостовериться, что ты не лжешь.

– Ваше сиятельство, с тех пор прошло уже двадцать лет, своим примерным поведением я старался загладить ошибки молодости и забыть о них; память у меня плохая, ум слабеет, я ничего не помню, напрасный труд – расспрашивать меня дальше.

Слова эти были сказаны тоном низкого раболепства и коварной иронии, заставившим молодого человека призадуматься, однако он счел за лучшее промолчать.

– А имя свое ты знаешь? – спросил он.

– Прозвище, по крайней мере, знаю, ваше сиятельство, – меня здесь все называют Каскабелем.

– Что ты умеешь делать?

– Желаете взглянуть на мое искусство, сиятельный граф?

– Да, мне наговорили о тебе столько чудес, что я сам хочу судить о них, раз уж случай привел тебя сюда.

– Каждый живет своим ремеслом, сиятельный граф.

– Что ты хочешь сказать?

– О! Ваше сиятельство так щедры, что я даже и настаивать не буду.

– Я понял. Вот, возьми! – И он бросил унцию, которую индеец подхватил на лету и сунул в карман с довольной улыбкой орангутанга.

– Останетесь довольны мной, ваше сиятельство, – сказал индеец с почтительным поклоном.

Он снял корзины с мула и поставил их на землю, сделав рукой знак, чтобы любопытные, собравшиеся кучкой вокруг него, расступились.

– Отодвиньтесь, сеньоры, – велел он, – освободите мне свободное место, через минуту каждому, кто находится рядом со мной, будет грозить смерть!

Предостережение произвело желаемое действие, особенно благодаря насмешливому тону, свойственному этому странному человеку: обступавшие его люди разом отпрянули на почтительную дистанцию.

Безобразное лицо индейца скривилось в злобной усмешке при виде этой поспешности.

Он нагнулся, снял крышку с одной из корзин и достал оттуда барабан из обожженной формовой земли, с виду напоминающий котел, с отверстием, обтянутым кожей мустанга, длинную дудку из бамбука, имеющую всего три отверстия, и, наконец, большой круглый ящик с железными обручами, просвечивающий насквозь из-за просверленных в нем дыр.

После этих приготовлений индеец опять обратился к присутствующим.

– Сеньоры, – сказал он, но на этот раз серьезным тоном, свидетельствовавшим о важности, которую он приписывал своему предостережению, – именем вашей собственной жизни и веры в благодать Божию умоляю вас, дабы не случилось ужасного несчастья, в течение всего моего представления молчать и не шевелиться. Одно слово, малейшее невольное движение – и вас ждет гибель!

– Полно, болтун, – усмехаясь, остановил его дон Фернандо, – не беспокойся, желание твое будет исполнено.

– О! Вы, вельможи, вечно над всем смеетесь, – с горечью произнес индеец.

– Будешь ты начинать или нет?!

– Сейчас, ваше сиятельство... Теперь прошу всех молчать, если не для вас, то для меня – ведь самой большой опасности подвергаюсь я.

Воцарилось полное молчание.

Каскабель вынул изо рта жвачку из коки, которую туземцы постоянно держат за щекой, и тщательно засунул ее за пояс.

Кока – лиана, произрастающая в Южной Америке. Ее листья обрывают и сушат; если же необходимо приготовить их к употреблению, то берут небольшое количество негашеной извести и кусочек пемзы, все вместе скатывают в виде шарика и кладут за щеку. Индейцы уверяют, что кока заставляет их забывать о сне, голоде, жажде, усталости; три, четыре, даже пять дней они могут не пить, не есть, не спать и при этом даже не испытывать утомления.

Во время своего пребывания в Перу, желая удостовериться в истинности такого фантастического, как мне казалось, действия этого растения, я, не колеблясь, на себе несколько раз испытал эти чудотворные свойства коки.

Опыт привел меня к заключению, которое я, впрочем, уже предвидел, что кока, подобно бетелю[1 - Бетель – смесь пряных листьев перца бетель с кусочками семян пальмы арека и небольшим количеством извести. Используется как жвачка, возбуждает нервную систему.] и табаку, который жуют наши матросы и солдаты, является лишь средством для временного облегчения, полезным, даже необходимым отвлечением при долгом тяжелом труде или продолжительном ожидании, но все его действие ограничивается тем, что машинальный процесс постоянного жевания освежает рот и заставляет выделяться слюну. Жуя коку, бетель или табак, человек может целый день оставаться без пищи и питья, даже сна, но по прошествии определенного периода времени даже богатырь не выдержит дольше.

Есть ученые или, вернее, мнимые ученые, которые направо и налево разглагольствуют о том, что им известно только понаслышке; они-то и приписывают коке чудотворные свойства, основываясь на уверениях краснокожих. Этим достойным мужам, чересчур легковерным, следовало бы предложить сперва испробовать средство на себе и только потом уже всенародно сообщать о результате.

Все это является повторением той старой истории о рыбе, которую можно было впустить в лохань, до краев наполненную водой, и при этом не пролить ни капли. Академия, которой этот странный факт был представлен на обсуждение, целую неделю вела прения об удивительном свойстве рыб не увеличивать собой объема воды, в которую они попадают, а, напротив, уменьшать его поглощением.

Господь знает, сколько месяцев еще длились бы эти занимательные рассуждения, если бы один шутник не вздумал пустить рыбу в вышеназванную лохань в присутствии оторопевших академиков: вода великолепно полилась через края, ученые мужи убедились, что их подняли на смех, и разошлись пристыженные; тем и делу конец.

Это вполне применимо и к коке.

Однако вернемся все-таки к Каскабелю. Он сел на землю шагах в десяти позади ящика, о котором мы говорили, поджал под себя ноги и, приложив к губам дудку, извлек пару-другую чрезвычайно нежных звуков.

При этом первом призыве крышка ящика слегка зашевелилась и опять застыла в неподвижности. Каскабель повторил звуки, но резче и громче, однако результат оказался тем же самым.

Индеец поставил перед собой барабан, схватил трость и в то время, как снова извлек две ноты из дудки, сильно ударил по барабану. Тотчас же крышка отлетела далеко в сторону, точно движимая пружиной, и из ящика взвилась громадная змея.

Отвратительное пресмыкающееся, желтое с коричневыми пятнами, откинувшись телом назад и выгнув шею дугой, словно лебедь, раскачивалось в направлении индейца, который подходил, то протягивая к нему руку, вооруженную тростью, то отводя ее назад, а змея, как уже было сказано, мерным и тихим движением качала своей плоской треугольной головой, весьма напоминающей острие копья.

Чудовище это, как мы уже сказали, имело голову треугольной формы и достигало семи футов[2 - Фут равен приблизительно 30,5 см.] в длину; туловище его посередине было толщиной с руку человека рослого и плотно сложенного. Подобные гадины, заметим мимоходом, опасны не менее, чем гремучие змеи.

В течение нескольких минут краснокожий заставлял колебаться у самого своего лица плоскую голову пресмыкающегося, которое вытянулось почти во всю длину, стоя на нижней части туловища.

При всей своей отваге присутствующие не нуждались теперь в предостережении не двигаться и не говорить: вид этого ужасного зрелища заставил их оцепенеть и сковал им язык.

Внезапно Каскабель опустил руку с тростью, и змея мгновенно упала в ящик, свернувшись кольцом, посреди которого возвышалась ее чудовищная голова с желтыми глазами, устремленными на хозяина.

Индеец достал из кармана горсть сухих листьев и рассыпал их по земле перед собой, после чего сильно ударил по барабану.

– Хосе, подлый раб, – крикнул он, – сейчас же очисти это место!

Змея немедленно потянулась из ящика, стала разворачивать свои могучие кольца и поползла к тому месту, где лежали листья. Опять свернувшись в клубок, она быстрым движением хвоста разметала листву направо и налево, так что и следа не осталось.

– Ты добрый малый, Хосе, и слуга превосходный, я доволен тобой, – продолжал краснокожий, – иди, поцелуй хозяина, мой верный товарищ.

Он протянул к пресмыкающемуся совершенно обнаженную правую руку, змея поднялась по ней, издала тихий с переливами свист и медленно обвилась вокруг шеи индейца, потом приподняла свою плоскую голову и раздвоенным языком стала касаться его лица.

Эта кошмарная ласка длилась добрых две-три минуты, к неопишуемому ужасу зрителей, которых эта странная сцена просто леденила. Наконец индеец осторожно взял змею за голову, медленно развил бесчисленные кольца, которыми она обвилась вокруг его шеи, и заставил лечь у своих ног, где она оставалась неподвижна, вероятно, измученная всем, что ей пришлось проделывать.

Тут Каскабель взял пресмыкающееся за шею, с трудом приподнял и едва дотащил, между тем как хвост волочился по земле, до ящика, куда тщательно уложил его, свернув кольцами, после чего наглухо закрыл крышку.

Краснокожий подошел к дону Фернандо и остановился против него на расстоянии двух футов; распахнув рубашку, он достал мешочек, висящий у него на шее на крепкой кожаной плетенке.

– С вашего позволения, сиятельный граф, – сказал он, – я покажу вам маленькое животное, довольно любопытное.

– Какое?

– Коралловую змею.

– Ага, и эта змея опасна? – осведомился молодой человек с притворным равнодушием.

– Еще бы, – посмеиваясь, ответил краснокожий, – укус коралловой змеи приводит к смерти менее чем за два часа.

– Но против ее яда есть какое-нибудь средство?

– Наверное, существует, ваше сиятельство, но пока что еще не открыто.

– Так ты, должно быть, вырвал у нее все ядовитые зубы, чтобы она была безвредна?

– Сейчас сами увидите, если желаете, сиятельный граф.

– Почему же нет; уж не хочешь ли ты, чего доброго, напугать меня своими рассказами, негодяй?

– Вы не должны предполагать подобной дерзости с моей стороны.

– Так показывай своего гада без дальнейших разглагольствований, вот тебе еще унция.

С этими словами он бросил монету. Краснокожий подхватил ее так же ловко, как и первую, и в следующий миг она уже исчезла в его кармане.

– Да благословит вас Бог, сиятельный граф, – вскричал он, – вот моя змейка, только не подходите ко мне близко!

Раскрыв мешочек, он запустил в него руку и извлек оттуда за кончик хвоста змею. Она была дюймов[3 - Дюйм равен приблизительно 2,5 см.] в пятнадцать длиной, бледно-розоватого цвета с фиолетовыми полосками. Едва она очутилась на свету, как взвилась с бешеным шипением и откинула голову назад, точно хотела броситься на державшего ее индейца.

Тот, ничуть не испуганный таким грозным поведением змеи, как-то по-особому засвистел, поднес ее к своему лицу, черты которого мгновенно приняли

напряженное, страшное выражение, и вперил взгляд в глаза пресмыкающегося.

Безмолвная борьба между животным и человеком длилась целую минуту, но в конце концов змея оказалась побежденной; под влиянием горящего, пристального взгляда она присмирела, стала медленно опускаться, свертываясь кольцами, и наконец спрятала голову.

Каскабель усмехнулся с видом торжества, медленно поднес змею к губам, продолжая держать за хвост, и вдруг вложил ее к себе в рот.

Целую минуту она оставалась во рту индейца, когда же тот вынул ее, она повисла, точно мертвая, в руках своего хозяина.

– Сейчас вы удостоверитесь, ваше сиятельство, – сказал Каскабель со своей вечной злой усмешкой, которая в эту минуту казалась особенно зловещей, – так ли безвредна эта змея, как вы полагали, и может ли каждый справиться с ней так же легко и безнаказанно, как я. Извольте взглянуть, ваше сиятельство, зрелище стоит того, клянусь вам!

Он дал змее три или четыре щелчка по шее, та вдруг взвилась, раскрыла пасть, челюсти ее широко раскрылись и обнажили два ядовитых зуба, торчащие, точно два угрожающих острия. Зубы эти, полые внутри, сообщаются с ядовыделительными железами и поднимаются перпендикулярно деснам при сокращении жевательного мускула, когда змея раскрывает пасть, чтобы укусить.

– Что скажете об этом, ваше сиятельство? – осведомился Каскабель. – Вы все еще находите это премилое животное таким безвредным, каким полагали его сперва?

– О нет! Я сознаю свою ошибку!.. Но каким же способом ты укрощаешь змей?

– Это моя тайна, ваше сиятельство. Напрасно было бы настаивать на расспросах, я не могу удовлетворить вашего любопытства в этом отношении.

Индеец опять положил коралловую змею в мешочек, который спрятал под рубаху на груди.

- Эта штучка, - продолжал он с чуть заметной насмешкой, - одна из самых удачных, больше мне показывать нечего, сиятельный граф; довольны ли вы?

- Так доволен, - ответил дон Фернандо со значением, - что я, может быть, пожелаю увидеть тебя опять. Если мне придет такая прихоть, где можно тебя найти?

- Везде, ваше сиятельство.

- Это значит - нигде! Смеешься ты надо мной, что ли, негодяй?

- Ничуть, сиятельный граф, то и дело я брожу по городу и окрестностям, всякий знает меня; я не имею никакого повода скрываться!

- Положим... Пожалуй, я вызову тебя опять.

- Смиренно буду ждать приказаний вашего сиятельства.

Каскабель опять навьючил на мула свои корзины, раскланялся с видом насмешливого торжества и медленно вышел на улицу.

- Надо зорко следить за этим молодцом, - сказал дон Фернандо на ухо Мигелю, - у него шпионская рожа, которая мне совсем не по душе.

- За ним будут следить, не беспокойтесь, ваше сиятельство, - ответил буканьер, сопровождая свои слова выразительным жестом.

- Я не хочу, чтобы его убивали! - с живостью воскликнул дон Фернандо. - Он мне еще понадобится!

- Значит, надо только поставить его перед невозможностью вредить.

- Вот именно.

Однако Каскабель, утверждавший, что его можно встретить повсюду, бесследно исчез и, несмотря на самые тщательные поиски, нигде не показывался.

Неудача взбесила Мигеля, дона Фернандо же она заставила призадуматься не на шутку.

Глава II. Как Пьер Легран взялся за дело, чтобы овладеть островом Санта-Каталина

Возвратимся теперь к флибустьерскому флоту, который мы оставили после того, как он торжественно снялся с якоря в Пор-де-Пе, медленно вышел в открытое море и исчез из вида на горизонте. Часам к пяти пополудни земля окончательно скрылась из глаз флибустьеров, однако до заката солнца все суда держались вместе.

Две испанские каравеллы, посланные, по всей вероятности, наблюдать за передвижениями Береговых братьев, неосторожно подошли слишком близко и были захвачены в плен.

Это были маленькие береговые суда с четырьмя камнеметными мортирами и экипажем в десять человек каждое.

Два небольших отряда Береговых братьев перешли на каравеллы, которые должны были следовать за флотом.

Эти легкие суда имели неглубокую осадку и потому были неоценимы для разведки вблизи вражеских берегов.

Испанцев перевели на адмиральский корабль, и по знаку Монбара они были мигом вздернуты на реях – к великой радости буканьеров, но, разумеется, далеко не к радости бедняг, которым суждено было играть главную роль в этом роковом представлении.

Таким образом вели между собой войну испанцы и флибустьеры, действия были одинаковы с обеих сторон; «взят – значит, повешен» – эта грозная поговорка осуществлялась во всей своей силе.

Недаром Монбар был прозван Губителем: он питал к испанцам такую ожесточенную и глубокую ненависть, что тот из них, кого несчастная звезда приводила к нему в руки, неминуемо оказывался вздернутым на рее. Никогда еще он не помиловал ни одного пленника. Каждый раз, когда он возвращался с крейсерства в Пор-Марго или Пор-де-Пе, корабли его были увешаны, точно гирляндами, мертвыми телами врагов, раскачивающимися над палубой.

Незадолго до заката солнца на адмиральском корабле был поднят сигнальный флаг; по этому знаку флот немедленно распался на части, и каждая эскадра пошла к месту своего назначения.

Адмирал продолжал двигаться к Сан-Хуану. Морган со второй эскадрой повернул к Пуэрто-Бельо. Наконец, третья эскадра под командой Пьера Леграна, придерживаясь ветра, направилась к острову Санта-Каталина, которым ей приказано было овладеть.

Мы последуем за этой эскадрой, поручение которой было если не самым опасным, то, во всяком случае, самым важным. Остров Санта-Каталина, который не следует путать с тем, что находится у берегов Бразилии, по-видимому, совсем не известен нашим ученым-географам; по крайней мере, о нем не упоминает ни один из них. Этот остров находится у берегов Коста-Рики, приблизительно в тридцати милях от реки Чагрес на 12 градусах 30 минутах северной широты.

Монбар выбрал его местом снабжения флота съестными припасами из-за близости к пункту, который он хотел занять; лучше выбора нельзя было сделать ни в каком отношении. Казалось только, что овладеть им будет весьма трудно.

В то время, к которому относится наш рассказ, остров Санта-Каталина защищался четырьмя хорошо укрепленными каменными фортами и несколькими усиленными батареями.

Возле Санта-Каталины находился остров поменьше и соединялся с ним мостом, который легко было разрушить. Островок этот, следовательно, образовывал, так сказать, пятый форт – тем грознее, что с него можно было обстреливать рейд и город. Нечего было также думать взять Санта-Каталину голодом: островок в изобилии снабжал город всеми жизненно необходимыми припасами.

Отлично зная, насколько важен для торговли и безопасности колоний в Центральной Америке остров Санта-Каталина, испанцы сильно укрепили его; они разместили там храбрый гарнизон и сделали остров общим складом, местом снабжения припасами всего их флота. Кроме того, там они устроили колонию, куда свозились все преступники, осужденные в заморских владениях Испании.

Этих осужденных заставляли строить укрепления, нагружать и разгружать суда, чинить дороги; в случае нападения им раздавали оружие для усиления обороны.

Вот каков был остров, которым Пьеру Леграну предстояло овладеть.

Одни только флибустьеры могли отдавать подобные приказы и отваживаться исполнять их, используя лишь те слабые средства, которыми располагали.

Ни сам Пьер Легран, ни кто-либо из Береговых братьев, находящихся под его командой, ни на одно мгновение не усомнился в успехе их предприятия.

Впрочем, что бы их ни ждало впереди, как только флибустьеры выступали в экспедицию, они забывали обо всем на свете и ничто уже не могло остановить их.

После десяти дней полного различными событиями плавания флибустьеры заметили на горизонте нечто похожее на серые облачка, что на самом деле, однако, оказалось твердой землей. Эскадра приближалась к цели – острову Санта-Каталина.

Было около половины седьмого вечера. Пьер Легран скомандовал убрать паруса и лечь в дрейф. Он приказал спустить на воду шлюпку для рекогносцировки и потребовал к себе на корабль своих помощников.

Спустя полчаса в кают-компании вокруг большого стола, уставленного бутылками рома и водки, с табаком и трубками сидели Пьер Легран, Филипп д'Ожерон, капитан адмиральского корабля, и помощники вице-адмирала, контр-адмиралы Пьер Прямой и Александр Железная Рука.

– Братья! – открыл заседание Пьер Легран. – Вот мы и подошли к острову Санта-Каталина, которым необходимо завладеть. Я не стану обсуждать, возможно ли

это, – разумеется, мы должны это сделать!

– Еще бы, черт возьми! – вскричали флибустьеры в один голос. – Да тут не может быть и тени сомнения.

– Стало быть, остается только обсудить, каким образом можем мы разом прибрать к рукам остров и скрутить проклятых испанцев.

– Есть ли у вас какой-нибудь план, адмирал? – спросил Александр Железная Рука.

– Быть может, и есть, но ум – хорошо, а два – лучше. Я призвал вас, братья, чтобы услышать ваше мнение.

Два контр-адмирала только наклонили головы.

– Вам, Филипп, говорить первому как младшему по годам и званию.

– Остров доступен только в трех пунктах, – ответил молодой человек. – Я разделил бы эскадру на четыре части, одновременно напал бы на все три пункта и в то же время на всех парусах вошел бы в гавань.

– Теперь вам слово, Пьер Прямой, – сказал председатель совета.

– Я признаю, что план нашего друга и брата Филиппа д'Ожерона весьма смел и, пожалуй, мог бы привести к успеху, – начал Пьер Прямой, – однако нахожу его слишком уж рискованным. Разделить наши силы – значит ослабить их и подвергнуться опасности быть разбитыми по частям. Укрепления островка, господствуя над фортами и батареями большого острова, ограждают их своим огнем. Сперва я занял бы островок, а потом потребовал бы сдачи большого острова, который в этом случае просто не мог бы не сдаться, чтобы спастись от окончательного разрушения.

– Слово за вами, Александр, – хладнокровно сказал председатель.

– Я, адмирал, – отчеканил Александр Железная Рука, – не стал бы выбирать окольных путей, а вошел бы прямо в гавань со всей эскадрой, стал бы на

пистолетный выстрел от набережной и с зажженными фитилями потребовал сдачи острова, а в случае отказа губернатора приступил бы к бомбардировке города, вот и все.

Наступила минута молчания.

Пьер Легран наполнил поочередно стаканы своих товарищей, чокнулся с ними, потом медленно осушил свой стакан и поставил его назад на стол, крякнув от удовольствия.

– Братья, – заговорил он наконец, – во всех ваших планах много хорошего, но по отдельности они не годятся – по моему мнению, по крайней мере. Мы не должны терять времени и давать испанцам возможность опомниться и выяснить, сколько нас; мы должны налететь на них, словно стая коршунов. Мой план совмещает в себе все ваши; сейчас увидите. Прежде всего надо вспомнить, что мы имеем дело с испанцами, то есть с людьми, беспечность которых хорошо известна, чья леность вошла в поговорку, чье нерадение не знает пределов. Испанцы не подозревают о нашей экспедиции – стало быть, они не ожидают нас. Форты их, как они ни прочны и ни грозны, однако не вооружены или, по крайней мере, вооружены очень плохо, солдаты, составляющие гарнизон, рассеяны по всему городу и окрестностям, пушки, быть может, даже не на лафетах, а боевые снаряды наверняка сложены в глубоких магазинах. Будьте уверены, более всего в деле обороны острова испанцы рассчитывают на слухи, которые они сами же и распустили о нем, будто он неприступен. Завтра этот вопрос будет нами решен. Вот как я намерен поступить: этой ночью мы будем лавировать перед островом; месяца нет, нас не заметят. На рассвете мы войдем в гавань, станем на шпринг[4 - Постановку на шпринг выполняют при помощи особого якорного устройства того же наименования, когда необходимо удержать судно в определенном положении по отношению к ветру или течению.] и откроем адский огонь. Под его прикрытием на берег высадятся восемьсот человек, а тем временем Пьер Прямой с двумя сотнями людей незаметно подберется к островку и захватит его врасплох перед самым восходом солнца. Никаких требований сдачи не надо, просто ядра – и делу конец. Мы должны взять внезапно, с какой стати давать испанцам время приготовиться к обороне? Это было бы нелепо с нашей стороны. Ядра, пули и сабельные удары – нет вернее средства быстро покончить с этим делом. Если все удастся, то мы наверняка возьмем город и прочно засядем на острове. Вот мой план, братья; что вы скажете о нем?

– Он просто-таки библейски прост, – ответил Филипп, улыбаясь.

– Так вы одобряете его?

– Целиком и полностью! – разом заговорили все, кивая головами в знак согласия.

– Значит, решено: возвращайтесь на ваши корабли, братья, и готовьтесь к атаке. Надо действовать смело и дружно, я ручаюсь за успех!

– И мы ручаемся.

– Прекрасно. Итак, до завтра.

Флибустьеры в последний раз чокнулись стаканами, контр-адмиралы отправились обратно на свои суда, и вскоре эскадра двинулась в путь.

Незадолго перед тем лодка, посланная для рекогносцировки, причалила к адмиральскому кораблю. Она захватила рыбака.

По приказанию адмирала, который тотчас же пожелал допросить его, пленника провели в кают-компанию.

То, что предвидел Пьер Легран, оказалось справедливым до мельчайших подробностей. Рыбак, не запираясь, отвечал на искусные расспросы адмирала с тем большей готовностью, что с давних пор знал флибустьеров как людей, до безумия щедро вознаграждающих за оказанную им услугу и в то же время неумолимо жестоких к тем, кто заведомо их обманывал. К тому же этот человек был освобожденным каторжником, для него не существовало таких понятий, как честь, любовь к отечеству, особенно когда речь шла о золоте, которое флибустьер держал перед его глазами, – здесь он готов был продать самого себя.

Как и предполагал Пьер Легран, испанцы находились в полном неведении, они даже не подозревали о флибустьерской экспедиции. Все на острове находилось в страшном хаосе: форты не вооружены, гарнизон наполовину распущен и службы совсем не нес. Магазины, правда, были битком набиты провиантом и всякого рода боеприпасами, но они располагались за чертой города – для ограждения от случайных пожаров – и тем самым в подобном случае, где дорога каждая минута, становились совершенно бесполезны вследствие длительности

и затруднений подвоза.

Впрочем, испанцы со свойственной им гордостью и самонадеянностью были убеждены, что флибустьеры никогда не осмелятся напасть на их сильные укрепления.

Итак, флибустьерский адмирал не ошибся ни в чем относительно плана, который изложил на совете.

Казалось бы, подобная нерадивость была невероятна и превосходила все, что говорилось о быстром падении несчастного испанского народа, достойного, однако, во многих отношениях не только жалости, но и сочувствия людей мыслящих, тем не менее история говорит положительно, она не рассуждает, а утверждает, приходится преклоняться перед безапелляционным решением, когда излагаешь факт, к несчастью, как нельзя более достоверный. Изложенное нами здесь происходило точь-в-точь так, как мы передаем это, мы не только не преувеличиваем, но, напротив, стараемся сгладить, так грустно влияет на нас самих мрачная картина, которую мы волей-неволей должны развертывать перед читателем, дабы показать ему мишурное величие монархии, заставившей одно время дрожать весь мир, однако благодаря шатким основаниям теперь повергнутой в прах из-за невежества, фанатизма и гордости.

Этот бедный, злополучный народ, и способный, и храбрый, доведен до такого низкого умственного и нравственного уровня монахами, деспотизмом и налогами, то есть жаждой поживы и золота, что ужаснейший переворот, который даже предвидеть страшно, и тот едва ли выдвинет его на одну высоту с прочими нациями. В испанцах сознательно притупляли все хорошие чувства и старались заменить их одними постыдными страстями, чтобы управлять ими посредством этих страстей и держать их под игом, которое они, подобно сраженному титану, тщетно селятся свергнуть.

Что бы ни говорили, а падение Испании имело началом неумолимый деспотизм звероподобного тирана, чудовища в человеческом образе, известного под именем Филиппа II.

Этот трусливый король, ханжа, гордец, кровопийца и обманщик, имел все дурные склонности животного и ни одного из малейших добрых качеств человека: положенное им начало распада так и не останавливалось с тех пор в

своем развитии. Испания утратила две трети своего населения, оставшаяся же треть, за исключением некоторых избранных людей, наделенных выдающимися способностями, коснеет в невежестве и самом унижительном варварстве. Неужели этой прекрасной и плодоносной стране, предоставленной монахам и растлевающему обскурантизму, суждено в силу божественного права превратиться в пустыню? Это тайна Провидения.

После продолжительного допроса адмирал, оставшись доволен откровенными ответами рыбака, дал ему пятнадцать унций, что составляло целое состояние для такого бедняка, и передал его в руки Филиппу д'Ожерону с предписанием бдительно караулить и не возвращать ему свободы, пока остров не окажется во власти Береговых братьев.

Рыбак, однако, и не думал бежать, напротив, он предпочитал сойти на берег, только когда все уже свершится, не без основания опасаясь, что продолжительная его отлучка и внезапное возвращение могут привести к разным нежелательным предположениям. Не заставляя просить себя дважды, он лег, где ему указали, тщательно спрятав в пояс полученное золото, и заснул сном праведника.

Разве золото – не лучшее целебное средство для трусливой совести?

Всю ночь эскадра лавировала неподалеку от острова, постепенно, однако, приближаясь к нему при каждом повороте, и за час до восхода солнца Береговые братья находились на расстоянии чуть не в половину пушечного выстрела от большого и прекрасного рейда Санта-Каталины, куда намеревались войти с такой неслыханной дерзостью.

Исполнив этот маневр, матросы получили десять минут на завтрак. Стояла кромешная тьма; шел четвертый час утра.

Были сделаны последние приготовления к атаке: шлюпки спустили на воду, и в них разместился десант. Постепенно каждая из них зашла за корму того судна, к которому принадлежала и которое должно было привести ее на буксире на рейд. Две легкие лодки отделились от адмиральского судна и тихо направились ко входу в порт, чтобы удостовериться, натянута ли цепь для преграждения доступа кораблей.

В то же мгновение десять лодок с уключинами, обернутыми ветошью, битком набитые людьми, отделились от судов, находящихся в подчинении Пьера Прямого, и пошли на веслах в сторону маленького островка.

В лодках находились двести человек, а направлялись они захватить врасплох тысячу шестьсот!

Если бы то, о чем мы намерены рассказать, не было подтверждено самым положительным образом всеми историками, быть может, мы не решились бы описать этот подвиг безумной отваги, настолько он кажется невероятен, смел и необычен и изобилует такими странными случайностями, ясно показывающими, до какой степени может доходить беспечность некоторых правителей.

Лодки достигли узкого пролива, которым замыкался рейд. Ночь стояла темная, лодки шли очень осторожно. Караула нигде не оказывалось; флибустьеры преспокойно пристали к берегу, одни – справа, другие – слева от входа в гавань, взошли на набережную, где были закреплены концы цепи, отцепили их одновременно с той и другой стороны и, надвязав кабельтовым[5 - Кабельтов – здесь: трос, канат.], без малейшего шума опустили в море.

Но тут Береговых братьев осенила внезапная мысль. Случайно они заметили, что небольшие двери внизу фортов, защищающих пролив, даже не затворены. Лодки поспешили назад к адмиральскому судну, отчитались в выполнении возложенного на них поручения и сообщили о своем открытии.

Пьер Легран тотчас решил воспользоваться этим удобным случаем, чтобы мигом захватить форты.

Десять хорошо вооруженных лодок под начальством Филиппа д'Ожерона и самого Пьера Леграна направились к проливу и разделились на две части, каждая в сто человек, которые одновременно подошли к обоим фортам.

Смелое нападение вышло удачнее, чем могли надеяться сами флибустьеры: испанцы были абсолютно уверены, что бояться им нечего, а потому форты оказались чуть ли не пустыми, в них едва набралось по сотне человек гарнизона, который был застигнут спящим и потому побежден в мгновение ока. Остальная часть гарнизона находилась вне крепостных стен. Форты взяли без единого выстрела.

Всех захваченных в плен испанцев повесили, так как пленники связали бы флибустьеров по рукам и ногам. Кроме того, решившись на отчаянную попытку, Береговые братья хотели жесткими мерами с самого начала приступа внушить неприятелю сильный страх.

В каждом из фортов был оставлен гарнизон, пушки обращены на город, тела несчастных испанцев вывешены рядами на всеобщее обозрение снаружи стены, после чего адмирал с командиром корабля вернулись на свое судно.

Из четырех фортов, защищавших большой остров, два уже находились во власти флибустьеров, форт на островке также, по всей вероятности, не замедлит сдаться отряду, посланному Пьером Прямым; следовательно, оставалось овладеть всего двумя фортами и городом, а это действительно было пустяковым делом для людей, которых не страшила никакая опасность, не могла остановить никакая преграда. Начало экспедиции предвещало удачу, только не следовало терять ни минуты: опаловые полосы уже пролегли на небосклоне и понемногу загорались багряным отливом, небо светлело с каждой минутой, ночные звезды меркли одна за другой, и вскоре солнце должно было рассеять мрак. Адмирал дал сигнал к атаке.

Эскадра разом вошла в рейд и заняла его весь, суда вытянулись в одну линию и стали на шпринг.

Между тем лодки обрубали канаты, которыми были прикреплены к судам, и на веслах пошли к городу. На лодках находилось до тысячи двухсот человек.

В ту самую минуту, когда солнце величественно поднималось из-за горизонта, громовой залп с продолжительными раскатами грянул над городом, и на него дождем посыпались ядра. Отчаянные крики тысячи двухсот человек зловещим отголоском отозвались на грохот орудий, и флибустьеры ринулись на город разом со всех сторон, небольшими отрядами в сорок-пятьдесят человек.

Два форта у входа на рейд почти одновременно с фортом на маленьком островке присоединились к общей бомбардировке и накрыли Санта-Каталину градом ядер. Сражение вмиг приняло ужасающие размеры. Никакими словами нельзя передать испуга и оцепенения испанцев, когда при внезапном пробуждении они увидели, что окружены значительными силами и уже почти находятся во власти своих грозных и неумолимых врагов – флибустьеров. Наступило страшное

смятение, сущий хаос, над которым преобладала неудержимая паника; все бежали, сами не зная зачем и куда.

Флибустьеры являлись повсюду, поджигали дома и безжалостно убивали несчастных жителей, которые спросонья, полуодетые, спасались бегством из своих пылающих жилищ. Женщины, дети, старцы – никто не был пощажен слепой яростью Береговых братьев.

Однако вскоре население, доведенное до отчаяния, устроило отпор неприятелю.

Несколько храбрецов смело бросились вперед и принялись защищаться, предпочитая скорее дать убить себя в сражении, чем быть постыдно изрубленными, не оказав никакого отпора.

Губернатор дон Себастьян Коронель, старый воин безупречной храбрости, с помощью нескольких преданных офицеров собрал гарнизон, который пребывал в состоянии паники, присоединил к нему волонтеров из городских жителей и с этим небольшим войском, поместив посреди него женщин, детей, священников и монахинь, словом, всех, кто был не в состоянии защищаться, начал медленное упорядоченное отступление под огнем флибустьеров, которые невольно испытали благоговейное удивление при виде этого зрелища.

Ценой громадных жертв, оставляя за собой на каждом шагу груды тел, но не давая флибустьерам врезаться в свои ряды, так что их ярость бессильно разбивалась о холодный и героический отпор испанцев, дону Себастьяну удалось после двух часов страшной борьбы ввести целым и невредимым в два форта, еще не занятых неприятелем, большую часть населения города и самому запереться в них со своим небольшим отрядом, признавая невозможным бой на открытом месте, но твердо решившись защищаться до последней капли крови и сдаться только на почетных условиях.

Отдельно взятые испанцы все одинаковы: они храбры до безумства, умны и энергичны. Плохи в Испании только учреждения; измените их – и страна спасена, в людях недостатка не будет, это доказывает история.

Флибустьеры, знатоки по части геройства, даровали губернатору больше, чем то, на что он смел надеяться.

Ему было позволено перебраться на материк со своим отрядом и теми из жителей, которые пожелают следовать за ним; остальным даровали жизнь и даже пощадили их имущество, разумеется, ценой громадной военной контрибуции.

Береговые братья были вне себя от восторга: успех превзошел все их ожидания, они завоевали практически без борьбы несметные богатства. Атака была произведена так быстро и дружно, что флибустьеры потеряли не более тридцати человек, и то во время героического отступления дона Себастьяна Коронеля.

В тот же вечер губернатор с испанскими солдатами сели на старые суда и направились к материку, а жители вернулись в свои полуразрушенные жилища и в городе наконец водворилась тишина.

Не теряя ни минуты, Пьер Легран принялся за вторую часть своего поручения: он осмотрел арсеналы и магазины, нашел их полными и приступил к приготовлениям для снабжения флота всем необходимым.

По прошествии двух-трех дней вид города совершенно изменился: флибустьеры, которые, впрочем, жили в довольно добром согласии с городскими жителями, привнесли лихорадочную деятельность в этот уголок Земли, который под их неодолимым влиянием как будто внезапно пробудился от долгого и тяжелого сна.

Глава III. Дон Хесус Ордоньес и дон Пабло Сандоваль воображают, что заключили выгодную сделку

Пока флибустьерский флот такими смелыми действиями открывал свою великую экспедицию против самого, пожалуй, важного для испанцев города в Америке, в Панаме происходило несколько событий, о которых мы обязаны поведать читателю. Граф дон Фернандо де Кастель-Морено, которому мы во избежание недоразумений вернем его имя в среде Береговых братьев, заканчивал свой завтрак вместе с Тихим Ветерком, Мигелем Баском, Бартелеми и еще несколькими флибустьерами. Усердно наполняя стаканы, собеседники вскоре развеселились и уже принялись говорить все одновременно, не слушая друг

друга, когда дверь столовой отворилась и вошел Шелковинка. Паж приблизился к Прекрасному Лорану и что-то сказал ему на ухо. Тотчас же лицо молодого человека совершенно изменилось, он встал и обратился к приятелям:

– Пейте и курите, сколько душе угодно, друзья, но не шумите; мне сейчас доложили о важном посещении, я ухожу.

– Будь спокоен, – ответил Тихий Ветерок за всех, – если твои гости не подойдут слишком близко к этой зале, никто не заподозрит нашего присутствия здесь, ручаюсь тебе головой.

– Очень хорошо.

С этими словами Лоран вышел из столовой и направился к парадной гостиной. Там его ждали двое. Это были дон Хесус Ордоньес и капитан Сандоваль.

– Чего-нибудь освежительного! – приказал Лоран своему пажу и любезно раскланялся с гостями.

Юлиан, или Шелковинка, почти мгновенно вернулся со слугой, который нес за ним поднос со всякого рода угощениями. Поставив его на стол, слуга вместе с пажом по знаку хозяина удалились.

– Сеньоры, – с величайшей вежливостью обратился молодой человек к посетителям, – перед вами на столе табак, сигары, листы бумаги и маиса, огонь в жаровне, в бутылках старый ром и водка, в вазах шербет и мороженое; прошу оказать честь.

– Вы нас смущаете, граф... – начал было дон Хесус.

– И слушать ничего не хочу! – с живостью перебил Прекрасный Лоран. – Прошу вас выбирать по вкусу.

– Вы осыпаете нас милостями, – заметил капитан.

– Разве это не наш старый кастильский обычай, господа? Я, со своей стороны, нахожу его замечательным в том отношении, что каждый чувствует себя

свободным и таким образом исчезает всякая принужденность. Стоит вместе выпить и покурить, и холодный этикет сменится полным доверием, а разговор будет вестись откровеннее.

Два гостя поклонились, как бы признавая справедливость приведенного хозяином довода, и без дальних околичностей взяли каждый по мороженому и закурили по настоящей гаванской сигаре. Прекрасный Лоран последовал их примеру и спустя минуту продолжал:

- А теперь, господа, если вам угодно будет сообщить мне, чему я обязан вашим любезным посещением, то я готов слушать.

- Кхм! - прочистил горло дон Хесус и улыбнулся. - Хотя причина действительно очень важная, граф, ее, признаться, чрезвычайно трудно сообщить.

- Полноте! - засмеялся молодой человек. - Испанский язык, благодарение Богу, один из самых богатых в числе многих языков нашей старой Европы; если владеть им как следует, можно сказать все, что хочешь.

- Вы полагаете?

- Убежден в этом.

- Во-первых, граф, - начал капитан, - не позволите ли вы мне задать вам вопрос?

- Хоть десять, если желаете, черт возьми!

- Нет, всего один, но с условием, что вы ответите откровенно.

- Это мой обычай, сеньор, окольные пути ненавистны мне во всем.

- Тогда все отлично. Какого вы мнения, граф, о контрабанде?

- Вы ведь желаете, чтобы я говорил откровенно?

- Разумеется.

– Мы будем очень рады слышать мнение о таком важном предмете человека столь просвещенного, как вы, граф, – прибавил дон Хесус.

– Да, вопрос важный, господа. Если бы мы не были испанцами и находились во Франции, Германии или Англии, где бы то ни было, только не здесь, я ответил бы вам, что нахожу контрабанду преступлением, как кражу у государства без пользы для частных лиц, воображающих, что дешево получают хороший товар, а между тем, по большей части, платят гораздо дороже настоящей стоимости за товар плохой и даже бракованный.

– Да, граф, – возразил дон Хесус, – так вы ответили бы нам во Франции, в Англии или в Голландии, но я замечу вам, что мы испанцы и находимся в Америке.

– В этом случае ответ мой будет совсем не такой, – улыбаясь, сказал хозяин.

– Ага! Посмотрим, каков он! – с живостью вскричали посетители в один голос и придвинулись ближе.

– Испанская Америка, – продолжал молодой человек, – заключает в себе несметные богатства. К несчастью, правительство захватило в свои руки всю торговлю колоний и под страхом строжайшего наказания отстраняет все чужие страны. Это неполитичное запрещение, которое убивает торговлю, так как существует она только свободным обменом товаров между народами, неполитичное запрещение это, повторяю, вызывает в колониях болезненный застой, который по прошествии известного срока повергнет их в нищету, а там уже ничто не будет в состоянии заставить их подняться.

– Это очевидно, – вставил слово капитан Сандоваль.

– Торговля, – продолжал Лоран, – распространяется и процветает только при наличии конкуренции, без нее она гибнет, колонии вынуждены сбывать свои товары одной Испании, которая берет с них несоразмерные налоги и одна пользуется богатствами, приобретенными ею, так сказать, задаром трудами населения, которое она безжалостно разоряет, тяготея над ним всей своей скупостью и жадностью.

– Все это очень справедливо, – опять заметил капитан.

– Торговец, у которого один-единственный покупатель, и то обязательный, должен принимать его условия, какими бы они ни были, чтобы товар не сгнил у него в руках и дабы не подвергнуться разорению. Это, к несчастью, также факт неоспоримый.

– Увы! – откликнулся дон Хесус.

– Все это истинная правда, – прибавил капитан, – но каково же ваше заключение из всего этого, граф?

– Боже мой, господа, заключение очень просто. Вывод из фактов сделать легко: с одной стороны – разорение вследствие несоразмерных налогов и обязательства продавать только в пользу правительства, с другой – контрабанда, поставленная роковым образом в исключительные условия, становится уже не преступлением, а благодеянием, так как, проводимая с большим размахом, она восстанавливает равновесие в торговле, облегчает участь притесненного населения, создает конкуренцию и в известной степени превращает нищету в довольство, отчасти избавляя колонии от страшных поборов правительства.

– Значит, вы не осуждаете контрабанду? – спросил дон Хесус.

– Кажется, я высказался ясно?

– Конечно, граф, – подтвердил капитан, – вы выразились как нельзя яснее.

– Я ответил откровенно, как вы просили.

– И мы от души благодарим вас, граф.

– Боже мой! – вскричал молодой человек с подкупающей искренностью, улыбаясь самым любезным образом. – Кто знает, не защищал ли я свое собственное дело?

– О-о! – с любопытством воскликнул асиендадо[6 - Асиендадо – владелец асиенды (крупного поместья)]. – Что вы хотите этим сказать?

– Ничего, любезный дон Хесус, считайте, что я ничего не говорил.

– Однако...

– Ничего, говорю вам, я сболтнул то, чего говорить не следовало.

Посетители со значением переглянулись. Лоран наблюдал за ними исподтишка, прихлебывая из стакана отличный ром.

– Ей-богу, граф! – вдруг вскричал дон Хесус, прикидываясь откровенным. – Случай так заманчив, что нельзя им не воспользоваться!.. Угодно вам вести дело начистоту?

– Позвольте вам заметить, господа, – возразил Лоран обиженным тоном, – что я никогда иначе и не действую... впрочем, я вас не совсем понимаю.

– Извините, – с живостью перебил дон Хесус, – с такой особой, как вы, граф, таиться нельзя, лучше говорить прямо, как вы сами только что подали тому пример.

– Что именно это значит?

– То, – объявил капитан, – что, говоря без обиняков, мой приятель дон Хесус Ордоньес и я, мы занимаемся контрабандой.

– И вы воображаете, что это для меня новость? – осведомился Лоран с улыбкой.

– Как?! Вы знали? – вскричал асиендадо, оторопев.

– Нет, но угадал.

– Угадали?

– Мне кажется, тут есть некоторая разница. Помимо всего прочего, одно устройство этого дома могло открыть мне глаза.

– Кхм! – прочистил горло дон Хесус, у которого стало сухо во рту. – Что же вы думаете по этому поводу?

– Думаю, черт побери, что и прежде думал, мой уважаемый гость, – ответил с величайшей любезностью Лоран. – Кто же в этом благословенном краю не занимается контрабандой?

– Да те, казалось бы, кто воздерживается от нее, – наивно возразил дон Хесус.

– Назовите мне троих таких в Панаме, и я готов согласиться с вами.

– Во-первых, вы сами, граф.

– Позвольте! Я не в счет.

– Отчего так?

– Оттого, черт побери, что я не здешний житель, нахожусь в Панаме случайно, и наконец...

– Наконец что?

– Что? Да делаю то же, что и вы!

– Вы занимаетесь контрабандой?

– А позвольте узнать, чем еще можно заниматься в этом проклятом краю? Сам губернатор занимается этим делом, если я не ошибаюсь.

– Правда?

– Не говорил ли я вам, что почти беден?

– Действительно.

– Ну, вот я и стараюсь восстанавливать справедливость, только имею над вами громадное преимущество.

– Ага! Какое, позвольте узнать?

– Как племянник вице-короля Мексики я ничего не боюсь. Предположив даже, что меня могут захватить с поличным, я все равно выйду сухим из воды. Моя каравелла перевезла бог весть сколько контрабанды – все иностранные товары, которыми теперь наполнен город, были доставлены ею; судно, которое я поджидаю в Чагресе, нагружено контрабандой снизу доверху, потому-то я так и забочусь о нем и требовал конвоя.

– Сообщение, которым вы нас удостоили, граф, совершенно меняет дело, – заметил дон Хесус.

– В каком смысле?

– В том смысле, что мы хотим сделать вам предложение.

– Посмотрим, что за предложение, любезный дон Хесус; если есть малейшая возможность, я приму его с радостью.

– Вступите в союз с нами.

– Нет, я всегда веду дела в одиночку.

– А!

– Я могу сделать только одно...

– Что же?

– Помогать вам.

– Прекрасно!

- Но с условием.

- Гм!

- Не слишком обременительным. Вы дадите мне шесть процентов от стоимости вашего товара, все равно, будет ли он выгружен мной или нагружен.

- Как видно, граф, вы знаете дело, черт возьми!

- Все надо знать понемногу... Устраивают вас мои условия?

- Как нельзя более, но...

- Пожалуйста, без «но». Просто: да или нет.

- Тогда пусть будет «да».

- Значит, вы принимаете условия?

- Бесспорно.

- И платить будете по сдаче товара?

- Это решено.

- Моя каравелла должна сняться с якоря дней через семь или восемь. Есть у вас товар?

- И даже чрезвычайно ценный.

- Тем лучше, поскольку получу с него больше, - заметил Лоран, смеясь. - Что это за товар?

- Во сколько тонн водоизмещением ваша каравелла?

– В двести пятьдесят.

– Могу я зафрахтовать ее всю?

– Можете. Какой же будет груз?

– Жемчуг, золото слитками и сплюснутая серебряная посуда, все в Лондон.

– Отлично. Позвольте минуту. Он позвонил, вошел паж.

– Позвать сюда капитана дона Мельхиора, – приказал Лоран.

Паж вышел.

– Дон Мельхиор – капитан моей каравеллы, – объяснил Прекрасный Лоран.

– А! Очень хорошо. Явился Тихий Ветерок.

– Сеньоры, имею честь представить вам капитана дона Мельхиора; капитан дон Хесус Ордоньес де Сильва-и-Кастро, дон Пабло Сандоваль, командир корвета «Жемчужина». Садитесь, любезный капитан, прошу вас, возьмите стакан рому, закуривайте сигару.

– Покорно благодарю, ваше сиятельство, – ответил Тихий Ветерок, садясь.

– Скажите, капитан, ваше судно, кажется, водоизмещением в двести пятьдесят тонн?

– Так точно, ваше сиятельство, но при необходимости оно вынесет тонн пятьдесят или шестьдесят сверх этого – все зависит от нагрузки.

– Очень хорошо. Каков вес товара, принятого вами по моему приказу вчера и сегодня?

– Около семнадцати тонн, ваше сиятельство, я даже специально хотел поговорить с вами на этот счет.

– В чем же дело?

– Вы понимаете, ваше сиятельство, что семнадцать тонн товара для меня все равно, что ничего: прибыль не покрывает затрат, я не могу идти с таким фрахтом.

– Вы правы, любезный дон Мельхиор... К счастью, я могу пополнить ваш фрахт.

– Да благословит Бог ваше сиятельство! Где же товар? Могу я сегодня же приступить к погрузке?

– Как вы торопитесь, капитан!

– Простите, граф, но вы не моряк и не знаете требований нашего ремесла.

– Не отрицаю этого.

– Я должен обогнуть мыс Горн, чтобы выйти в Атлантический океан, так как идти придется либо в Англию, либо в Голландию.

– Дальше что?

– Дальше? Кажется, сегодня у нас вторник?

– Ну да.

– Мне надо сняться с якоря самое позднее в субботу.

Лоран обратился к дону Хесусу и его приятелю:

– Что вы скажете на это? – спросил он.

– Это невозможно, – ответили они в один голос.

– Товары сложены на асиенде дель-Райо, – прибавил дон Хесус, – нужен, по крайней мере, день на переезд туда и три дня на обратный путь, что составляет

четверо суток, не считая непредвиденных задержек в пути.

– Кроме того, мне надо быть в Чагресе, что также является еще одной причиной промедления, капитан; выходит, вам нельзя уйти раньше чем через неделю.

– Гм! Это слишком уж долго, ваше сиятельство.

– Это самый минимальный срок, какой требуется.

– Я ручаюсь вам за верных двести пятьдесят тонн, – с живостью вскричал дон Хесус.

– А я обязуюсь конвоировать вас до островов Чилоэ, – прибавил капитан.

– О, тогда дело другое, – ответил Тихий Ветерок с видом ягненка, – признаться, я страшно боюсь хищников-флибустьеров, особенно когда у меня ценный груз.

– Этот груз будет чрезвычайно ценен, – заметил дон Хесус.

– Тем лучше для вас и для меня, сеньор; и я, и вы – мы порядком поживимся! Даете ли вы мне слово конвоировать меня до островов Чилоэ, капитан?

– Клянусь честью дворянина!

– Решено. Вот вам моя рука, сеньор.

Тихий Ветерок пресерьезно протянул дону Хесусу свою похожую на баранью лопатку руку. Асиендадо не побрезговал пожать ее.

– Однако куда же я зафрахтован? – осведомился Тихий Ветерок.

– В Англию и Голландию, капитан. Впрочем, я снабжу вас письмами к лицам, которым посылается товар.

– Прекрасно... но видите ли, сеньоры, дела надо вести как следует. Пока не дан задаток, условия не оговариваются.

- Вижу, что вы истый контрабандист! - весело сказал дон Хесус. - И дело свое знаете.

- Стараюсь, сеньор, надо же жить чем-нибудь.

Дон Хесус вынул из кармана внушительный кошелек, высыпал из него на руку небольшое количество золотых унций и разложил их кучками на столе.

- Вот пятьдесят унций задатка, пересчитайте, любезный капитан, - сказал он.

Тихий Ветерок, не торопясь, пересчитал унции.

- Верно, - объявил он.

- Вы довольны?

- Доволен, сеньор.

- Стало быть, наш уговор состоялся?

- Несомненно, и отступиться никому нельзя; только распорядитесь, чтобы все было погружено в понедельник вечером, иначе договор расторгается и вы теряете ваш задаток.

- Я признаю это справедливым, но куда же мне сложить мои товары?

- Это дело ваше, сеньор, мое дело - взять их там, где вы укажете.

- Ничего проще быть не может, - сказал Прекрасный Лоран, - все будет сложено здесь, сюда никто не посмеет сунуть нос.

- Ей-богу, граф, вы не делаете дела наполовину!

- Разве я не обещал вам помощь? Что может быть естественнее?

- Тысячу раз благодарю вас; не сумею выразить моей признательности.

- Полноте, сеньор, подождите конца, чтобы благодарить, - возразил Лоран со странной улыбкой.

- Не правда ли, сеньоры, - начал Тихий Ветерок, - что в понедельник мне будет передан весь товар и вручены письма заказчикам?

- Непременно.

- Очень хорошо; стало быть, мы, сеньор капитан, снимемся с якоря во вторник утром?

- То есть сниметесь с якоря вы, капитан, - уточнил дон Пабло, - мне же надо соблюсти некоторую осторожность: я выйду в море только в два часа пополудни, нам нельзя вместе выходить из порта.

- Лучше бы вам сняться с якоря в понедельник, капитан, это устранил всякое подозрение.

- Вы правы; действительно, это будет еще благоразумнее, я выйду из гавани в понедельник при заходе солнца.

Тихий Ветерок встал.

- Не будет ли еще каких-нибудь распоряжений, ваше сиятельство? - спросил он.

- Нет, любезный капитан.

- Тогда позвольте мне откланяться, я должен вернуться на каравеллу.

- Как хотите, не стесняйтесь, дон Мельхиор.

- Мое почтение, сеньоры, к вашим услугам. Гости ответили на его поклон.

Тихий Ветерок вышел.

- Этот молодец, по-видимому, знает свое дело, - заметил дон Хесус.
- Это настоящий моряк, - ответил Лоран с улыбкой, - он счастлив только на своем корабле.
- Я понимаю это, - сказал дон Пабло.
- Однако теперь надо условиться нам, - начал Лоран.
- Действительно, времени остается немного, - согласился дон Хесус.
- Когда мы можем отправляться?
- Завтра, если угодно.
- Положим, завтра, но в котором часу?
- В девять утра - не рано?
- Нет, вовсе не рано.
- Я зайду за вами.
- Буду готов. А вы с нами, капитан?
- Нет, граф, мне необходимо остаться в Панаме.
- Значит, мы будем путешествовать вдвоем?
- Моя дочь поедет с нами, граф.
- Донья Флора! - вскричал молодой человек, невольно вздрогнув.
- Да, ей наскучил город, она хочет вернуться на асиенду; но вы не бойтесь, граф, она отличная наездница и не задержит нас в пути, наш переезд совершится

вовремя.

– Мне очень приятно, сеньор, путешествовать с доньей Флорой.

– Поручаю вашим попечениям мою невесту, – смеясь, сказал капитан, – но предупреждаю вас, что она очень капризна.

– Полно, капитан, – в свою очередь рассмеялся Лоран, – как можно жаловаться на то, что является не недостатком, а достоинством в женщине?

– Особенно в таком избалованном ребенке, как моя Флора, – прибавил дон Хесус с добродушным смехом.

Два испанца встали и простились с хозяином, который проводил их до двора.

Посмотрев своим посетителям вслед, пока они не вышли из ворот, Лоран опять направился в столовую.

Береговые братья все еще находились там.

– Ну что? – спросил Тихий Ветерок, как только он показался. – Как, по-твоему, я сыграл свою роль?

– Великолепно! Я был просто поражен, – ответил Лоран, смеясь, – ты не мог отвечать лучше!

– А все по моей милости! – с громким хохотом воскликнул Мигель Баск.

– Как так?

– Видишь ли, разговор ваш что-то слишком уж затянулся, и я решил подслушать.

– Вот блестящая мысль! Признаться, я не знал, как выйти из затруднения, в которое сам себя поставил, я так и дрожал при мысли, что Тихий Ветерок ответит невпопад.

– А я, не будь глуп, предупредил его.

– А что, разве дело и в самом деле состоится? – спросил Тихий Ветерок.

– Великолепное дело, золотое, в четыреста тысяч пиастров с лишним!

– О, какой он достойный человек! – воскликнул Тихий Ветерок с восхищением.

– Да, – крикнул Мигель, – он не прогадает, связавшись с нами, надо сознаться. Все равно, клянусь честью, это дело мастерское, только бы довести его до конца!

– Я сам как на шпильках, – признался Лоран, – давно бы нам следовало иметь известия.

– Успокойся, – возразил Тихий Ветерок, – времени прошло еще немного, тем более что дел у них по горло.

– Положим, но я все-таки очень встревожен.

– Разве ты никого не посылал за известиями?

– Четыре дня назад отправил Хосе в Чагрес.

– Так будьте спокойны, граф, – сказал Мигель Баск. – Если Хосе жив, он скоро вернется, это человек верный и неустрашимый.

В эту самую минуту дверь отворилась и на пороге показался Хосе.

– Благодарю вас, Мигель, – произнес он.

– Ах, мой честный Хосе! – вскричал Лоран. – Наконец-то ты вернулся! Добро пожаловать.

Он подвинул к индейцу стул, на который тот скорее упал, чем сел, так был изнурен.

– Позвольте две минуты, чтобы перевести дух, – сказал он с грустной улыбкой, – и я дам отчет в возложенном на меня поручении.

Все окружили индейца. Береговые братья полюбили его, столько в нем было врожденного величия и простоты, да и со времени их прибытия в Панаму он оказал им неоценимые услуги.

Глава IV. Здесь начинает вырисовываться личность краснокожего проводника Хосе

Полубессознательное состояние от истощения сил, в которое был повергнут проводник, очень встревожило Лорана.

Не раз он мог оценить всю энергию и самоотверженность великодушной природы вождя. На его глазах индеец совершал подвиги, требующие такой силы и неустранимости, что Лоран в глубине души не мог допустить, будто одна лишь усталость могла настолько подкосить его силы; вероятно, страшное, раздирающее сердце горе было причиной такого отчаянного состояния духа этого человека.

Облик Хосе не утратил своего обаяния, глаза его были так же ясны и блестящи, лоб гладок, но было видно, сколько он вынес жестоких мук, сколько раз задышался в борьбе с отчаянием; ошибиться в признаках Лоран не мог. Движением руки он удалил флибустьеров. Те немедленно вышли.

В столовой остались только неразлучные с Лораном Тихий Ветерок, Мигель Баск и Бартелеми, от них он тайн не имел.

Вследствие отдыха или укрепляющих средств, которые ему были даны, краснокожий начал понемногу приходить в себя: он поднял голову, взгляд его перестал быть холодно неподвижным и в нем появился проблеск сознания.

Хосе точно приходил в себя после глубокого сна или длительного обморока, если можно так назвать то состояние, когда мозг человека полностью отключается, в то время как тело его продолжает механически действовать.

- Вы должны презирать меня, сеньоры, - с горечью сказал краснокожий.

- За что? - с участием спросил Лоран.

- Вы считали меня сильным, а я оказался слаб, как женщина.

- Мы жалеем тебя, друг, ведь только жестокое горе могло сломить такую могучую натуру, как твоя.

- Почему вы так думаете, сеньор?

- Я вижу это, друг мой, я чувствую сердцем. Все мы любим тебя и разделяем твое страдание, но пусть твои тайны остаются неприкосновенными, никто из нас не имеет права стараться проникнуть в них.

- Плох тот друг, кто силой втирается в доверие, - заметил Бартелеми.

Хосе опустил голову на грудь и тяжело вздохнул. Но почти тотчас он снова выпрямился, и в глазах его сверкнула молния.

- Сеньоры, - сказал он твердым голосом, - настала минута, когда я должен открыть вам все.

- Не лучше ли, мой честный Хосе, - перебил его Лоран, - отложить это до другого раза? Ты еще очень слаб.

- Ошибаетесь, сеньор; напротив, я силен, я поборол свое горе и уже не веду себя как тряпка! Время не терпит, я должен просить вас об услуге.

- Говори, Хосе, мы тебя слушаем.

- Только не здесь, а в вашем тайном кабинете.

- Так пойдем, друг, считай свою просьбу уже исполненной.

– Благодарю вас, капитан. Пойдемте, господа.

Лоран надавил на пружину в стене, потайная дверь отворилась и мгновенно захлопнулась за флибустьерами.

Они очутились в довольно большой комнате с удобной мебелью, как и повсюду в доме.

Все сели.

– Теперь, друг Хосе, говори, мы тебя слушаем, – сказал Лоран.

– Позвольте, капитан, сперва о ваших делах, а о моих после. Я принес вам вести.

– Важные вести? – вскричали в один голос флибустьеры.

– Вы сами увидите, господа. Знайте только, что я все бросил, все забыл, чтобы поскорее сообщить их вам. Сегодня в полночь я отправился из Чагреса и, преодолев сильнейшие затруднения, прошел перешеек за десять часов. Самый быстрый курьер не прибыл бы сюда раньше вечера, если бы вообще прибыл, – заключил он со странной улыбкой.

– О, приятель, ты сильно возбуждаешь мое любопытство, – заметил Тихий Ветерок.

– Говори же скорее, мы все превратились в слух! – с живостью вскричали остальные.

– Слушайте же, сеньоры. Город Пуэрто-Бельо был осажден три дня тому назад флибустьерской эскадрой из двадцати четырех кораблей, город и форты были захвачены врасплох и, несмотря на упорное сопротивление, взяты за четыре часа.

– Это правда, Хосе? – спросил Лоран в порыве восторга.

– Я сам видел, – просто ответил индеец.

- Тогда нечего и сомневаться, - заключил Тихий Ветерок.

- Кто командует эскадрой? - осведомился Бартелеми.

- Морган.

- Морган! - радостно воскликнули флибустьеры.

- Он самый. После взятия города я явился к нему. Морган знает меня, он принял меня отлично, да к тому же у меня были хорошие рекомендации. Отпустив меня, он передал мне два письма к вам, капитан Лоран.

- Два письма?

- Да, одно от Монбара, другое от него.

- И где эти письма?

- Вот они, - сказал Хосе, снимая через голову кожаную сумку, висевшую у него на груди, и передавая ее капитану.

Лоран вынул из сумки два письма.

- Прочтите, - сказал индеец.

- Постой, - возразил капитан, - одну минуту! Каково бы ни было содержание этих писем, я обязуюсь от своего имени и от имени своих друзей - присутствующих и отсутствующих, - что бы ты ни потребовал в награду, исполнить немедленно, не задумываясь, без обиняков и проволочек, и клянусь, Хосе, слово свое я сдержу во что бы то ни стало.

- И мы клянемся! - вскричали флибустьеры.

- Благодарю вас, сеньоры, - сказал индеец с просиявшим лицом, - я запомню ваши слова.

– Теперь слушайте, братья, – продолжал Лоран. Он развернул одно из писем и стал читать:

Любезный и дорогой Лоран! Я уже почти что отчаялся в возможности дать вам о себе известие, хотя это было необходимо, когда случай или, вернее, счастливая звезда помогла мне встретить нашего друга Хосе, которому мы можем полностью довериться; впрочем, чтобы выразиться точнее, не я встретился с ним, а он отыскал меня. В двух словах сообщаю вам следующий факт: Пуэрто-Бельо в наших руках, я стараюсь укрепиться в нем как можно надежнее, чтобы нам было где укрыться на случай неудачи нашего главного предприятия и, следовательно, отступления. Необходимо иметь наготове убежище для наших кораблей и место для склада запасов. Будьте же настороже, чтобы не ударить в грязь лицом, когда настанет ваша очередь действовать. Теперь я прошу только об одном, но это вопрос первостепенной важности: необходимо во что бы то ни стало суметь перехватить гонцов, которых испанцы наверняка отправят в Панаму с известием об их поражении и с требованием о помощи.

Как вы понимаете, любезный Лоран, необходимо, чтобы наше успешное нападение оставалось в тайне. Я набрасываю эти строки второпях, Хосе страшно торопит нас, справедливо утверждая, что каждая потерянная минута может обернуться страшным бедствием. Более подробные сведения вы найдете в письме Монбара, которое Хосе передаст вам вместе с моим.

Теперь можно надеяться на лучшее, любезный Лоран, испанцы, кажется, не на шутку попались в расставленные нами сети. Дружески пожмите от меня руку нашим друзьям – Тихому Ветерку, Бартелеми, Мигелю Баску и всем другим. Итак, пляска началась, за музыку заплачат испанцы. Простите, что несу вздор, – от радости я совсем обезумел.

Всегда ваш

Морган

Пуэрто-Бельо, апрель 1668 г.

– О-о! Вот так новость! – вскричал Тихий Ветерок.

- Молодец Морган! – сказал Мигель Баск.

- Однако он прав, – заметил Бартелеми, – надо наблюдать за гонцами.

- Но как? – возразил Лоран.

- Не беспокойтесь на этот счет, сеньоры, – вмешался Хосе с тонкой улыбкой, – я принял меры: ни один гонец не проскользнет незамеченным. Что могли бы вы сделать одни в незнакомом вам краю? А мне это было легко, и я все устроил.

- Как же?

- Не беспокойтесь, повторяю вам, сеньоры, – на первый случай довольствуйтесь моим словом, вскоре вы сами все узнаете.

- Пусть так, Хосе.

- Теперь читайте скорее письмо Монбара.

- И то правда. Слушайте же, братья.

Лоран развернул письмо Монбара и тотчас приступил к чтению.

Письмо было следующего содержания:

Дорогой мой брат!

Когда ты получишь это письмо, Пуэрто-Бельо будет в нашей власти.

Морган сообщит тебе все подробности о взятии города, мне же надо потолковать с тобой о другом предмете, не менее важном, – о плане, который мы задумали привести в исполнение. Вот он...

Тут Монбар излагал в самых мельчайших подробностях план, который обсуждали и окончательно утвердили в Пор-деПе. Он давал Лорану отчет о числе судов, составляющих флот, о том, как они были распределены, сколько человек назначалось к высадке, какие действия предписывались каждой эскадре, наконец, где назначался общий сборный пункт. Продолжал он следующим образом:

Когда все эти различные предписания будут исполнены, Пуэрто-Бельо и Санта-Каталина взяты, Чагрес блокирован, а флот собран у Сан-Хуана, тогда наступит твоя очередь, брат, тут-то твой краснокожий проводник Хосе сделается для тебя неоценимым – не только благодаря своему острому уму и безграничной преданности нам, но еще и из-за влияния на своих соотечественников. Это влияние огромно. Если он еще ничего не говорил тебе, я открою тайну, известную мне одному, – настал час сорвать с нее покров...

Лоран остановился и взглянул на Хосе.

– Продолжать, друг, – спросил капитан, – или пропустить строки, очевидно, касающиеся одного тебя?

– То, о чем вам пишет Монбар, капитан, – ответил Хосе с улыбкой, – я только что был намерен рассказать сам. Читайте же, это сэкономит нам драгоценное время и избавит меня от длинного рассказа.

– Раз ты желаешь этого, то я продолжаю. Капитан Лоран снова принялся за чтение:

Я знаю Хосе лет пятнадцать, при первой нашей встрече он спас мне жизнь. Тогда Хосе носил имя Туш-и-Дур-Амг. Он был сыном могущественного вождя многочисленного и грозного племени индейцев валла-ваоэ, которое никогда не покорялось испанцам и чуть ли не единственное из всех племен Центральной Америки сумело сохранить свою независимость. Туш-и-Дур-Амг был метисом по матери, испанской креолке, похищенной ребенком в одном из набегов, возвращенной в племени и со временем сделавшейся женой его отца.

Пробыв около года у индейцев валла-ваоэ, которые обращались со мной прекрасно, я наконец нашел возможность возвратиться на Тортугу. Расставаясь с моим другом Туш-и-Дур-Амгом, мы обменялись с ним клятвой в вечной дружбе. Прошло пятнадцать лет. Я не имел никаких известий о своем друге и мог только предполагать, что он вполне счастлив. Месяцев пять тому назад мы возвратились из экспедиции в Леоган и стали на якорь. Первым человеком, которого я встретил по прибытии, был он. Я узнал его с первого взгляда, увел к себе и старался отплатить ему в Леогане за гостеприимство, оказанное мне его племенем...

– У Монбара сердце великое, как мир, – перебил индеец с чувством, – он ничего не забывает!

– Мы его братья, – ответил Лоран. – То, что обещает он, исполним и мы. Друг Монбара – наш друг и брат.

– Знаю и благодарю еще раз, но прошу вас читать, время дорого.

Лоран продолжал:

...Много разных событий произошло за пятнадцать лет нашей разлуки. Оказалось, что мой друг был несчастлив и нуждался теперь в моей помощи: отец его умер, враг Туш-и-Дур-Амга из ревности восстановил против него всех негодяев племени и сумел не только помешать его избранию в главные вожди племени под предлогом, что он метис и в жилах его течет испанская кровь, но еще и добился того, что его приговорили к изгнанию с женой и дочерью, прелестной, кроткой девушкой, которую я видел мельком, однако сохранил о ней неизгладимые воспоминания. Хотя и в изгнании, Туш-и-Дур-Амг сохранил дружеские связи со своим племени, и с моей помощью, как он сказал, ему легко будет прогнать того, кто завладел его местом, и занять положение, которое принадлежит ему по праву: индейцы валла-ваоэ только и ждут случая, чтобы перейти на его сторону и восстать.

Что я мог сделать? Я был в бешенстве от своего бессилия и, желая во что бы то ни стало помочь другу, пожалуй, совершил бы непоправимую глупость, как вдруг ты, словно сама судьба, внезапно предоставил мне средство, которого я

напрасно искал, предложив нашу пресловутую экспедицию в Панаму, так удачно начатую теперь. Остальное тебе известно. Настало время решительных действий. Надо договориться с Хосе, чтобы племя валла-ваоэ восстало одновременно с нашими действиями, индейцы будут для нас неоценимыми союзниками благодаря своей храбрости и прекрасному знанию местности, где нам предстоит действовать.

Я вполне полагаюсь на тебя и на Хосе относительно мер, которые следует предпринять. То, что вы сделаете, наверняка будет хорошо. Единственно, необходимо наладить между тобой и моей штаб-квартирой постоянную связь, чтобы обоюдно извещать друг друга о каждом шаге и действовать согласованно. Это главное условие успеха.

Даю тебе полномочия поступать так, как считаешь нужным; все, что ты сделаешь, я одобряю заранее. Итак, вперед, и без колебаний!

Кстати, я встретил и забрал с собой Олонэ с твоим кораблем и узнал от него о твоей благополучной высадке. До сих пор все идет прекрасно, и в будущем можно рассчитывать на полный успех.

Поручаю твоим попечениям наших старых друзей Мигеля, Бартелеми и других, в особенности нашего друга-индейца.

Всегда любящий тебя брат

Монбар

В море, на адмиральском корабле

Март 1668 г.

Лоран положил письмо и обратился к индейцу:

– Теперь ваша очередь говорить, Туш-и-Дур-Амг, – сказал он улыбаясь, – мы готовы выслушать вас и помогать вам изо всех сил.

– Продолжайте называть меня Хосе: под этим именем вы узнали меня, капитан, и потому оно мне мило.

– Пожалуй, – сказал Лоран, пожав ему руку. – Что ты, со своей стороны, прибавишь к этому письму? Как оно ни обстоятельно, однако некоторые факты остаются во мраке; чрезвычайно важно, чтобы ты сообщил их нам.

– Вы правы, капитан, я прямо сейчас и приступлю к этому. Враг, который стремился причинить мне вред и, увы! принес столько зла, известен.

– Мне?

– Это презренный Каскабель, заклинатель змей.

– О! Этот человек просто отвратителен, на его лице лежит печать гнусных свойств души.

– Не всегда он был таким: после моего изгнания из племени его прогнал вождь, которого избрали на мое место, тут он исчез на целых четыре года, и никто не знал, куда он делся или что делал в это время; по возвращении же его нельзя было узнать – так он изуродовал себя по причине, ему одному известной и, надо полагать, связанной с каким-нибудь страшным преступлением. Вернулся он в этот край почти одновременно с доном Хесусом Ордоньесом, в особенности же меня поразила эта странная случайность, когда я вскоре убедился, что эти двое знают друг друга давно. Однажды Каскабель исчез опять, на этот раз его отсутствие длилось еще дольше, но наконец он вернулся, став заклинателем змей.

– И очень даже ловким. Он показывал нам страшные образчики своего искусства.

– Да, я видел.

– Как же ты-то узнал его?

– Провести можно всех, капитан, только не врага. Чтобы узнать его, мне было достаточно одного взгляда, так я и сказал ему.

– Напрасно, этим ты заставил его быть настороже.

- И сам теперь вижу, – со вздохом согласился Хосе, – но поздно, как всегда.
  - А ты не знаешь, видится ли он с доном Хесусом по возвращении?
  - Часто, они постоянно общаются.
  - Странно! Какая связь может существовать между этими двумя людьми?
  - Кто знает, не преступление ли?
  - Это возможно. Продолжай.
  - Что же мне сказать вам еще, капитан? У меня сердце разбито, меня постигло ужаснейшее несчастье.
  - Тебя?! – вскричал с участием Лоран.
  - Увы! Моя милая дочь, моя Аврора!..
  - Что с ней? Договаривай, друг?
  - Два дня тому назад я вошел в свою хижину и нашел лишь изувеченные тела троих слуг, моя дочь исчезла.
- Индеец закрыл руками лицо и зарыдал.
- Похищена! Кто же презренный похититель?
  - Каскабель.
  - Он!..
  - Я уверен, что он: целых пять часов я шел по его следам, двести человек моих единоплеменников бросились за ним в погоню. Увы! Вернут ли они мне моего ребенка?

– Надейся, брат! Бог за тебя. Но надо торопиться, нельзя терять ни минуты. Ей-богу, мы спасем бедняжку во что бы то ни стало. Говори, что нам делать?

– Полно, Хосе, – ласково сказал Мигель, – теперь не плакать надо, оставь слезы женщинам и будь мужчиной; мы все станем грудью за тебя, если понадобится.

– Да, вы правы! – вскричал индеец, вскакивая. – Благодарю, что вы заставили меня опомниться. Я отомщу! Капитан, можете вы выделить мне пятнадцать человек?

– Всех, кто со мной здесь, если желаешь!

– Нет, пятнадцати довольно, да и в этом случае я верну вам половину через двое суток: скоро вам самим понадобятся все ваши люди.

– Знаете, ведь завтра я еду на асиенду дель-Райо вместе с доном Хесусом.

– Понятия не имел, но путешествие это совпадает с моими замыслами, это перст Божий! Надежда опять пробуждается в моем сердце. Осуществляя свои планы, вы содействуете и моему делу.

– Каким образом?

– Валла-ваоэ ждут только моего прибытия к ним, чтобы признать меня своим вождем. Тот, кого избрали на мое место, принял его лишь с той целью, чтобы облегчить мне возможность вернуться, это мой родственник, он любит меня...

– Не опрометчиво ли ты доверился ему? – перебил Лоран.

– Нет, – с живостью возразил индеец, – я уверен в нем, мы не бледнолицые, чтобы изменять друг другу без важной причины. Нынешний вождь сам расположил сердца и умы воинов валла-ваоэ в мою пользу и проложил мне путь к возвращению, когда же он убедился, что успех несомненен, то лично сделал первый шаг, обратившись ко мне с предложением. Долго я колебался, но в конце концов ему все-таки удалось побороть мое несогласие и заставить меня вновь принять власть.

– Вот странная политика!

– Не правда ли? Тут я открыл вождю – разумеется, с величайшей осторожностью, – что Монбар затевает экспедицию против испанцев. Я намекнул при этом, что не худо бы, пользуясь случаем, который может никогда не повториться, отомстить испанцам за старое и навек упрочить за нами независимость, которой они грозят. Вождь представил мое предложение на суд Большого совета.

– И что же?

– Союз заключен, я взял на себя обсудить и принять условия, акт подписан, вот он.

С этими словами он достал из-за пазухи кусок очищенной от шерсти оленьей кожи, покрытой странными иероглифами вроде кабалистических знаков, которые служат индейцам письменами. Понять их очень легко, когда имеешь к ним ключ.

Хосе подал кожу Лорану, который тотчас подписался на ней и дал подписаться товарищам.

– Что вы делаете? – спросил индеец.

– Как видите, подписываюсь, вот и готово. Он отдал акт.

– А условия?

– Раз их принял ты, принимаем и мы. Впрочем, ты сообщишь нам эти условия.

– Вот они, я полагаю их выгодными.

– Я в этом не сомневаюсь.

– Валла-ваоэ готовы в случае войны выставить тысячу пятьсот воинов, пока же вы можете располагать тысячей воинов союзного войска. По моему распоряжению после взятия Пуэрто-Бельо пятьсот человек валла-ваоэ

рассыпалось по всему перешейку, чтобы перехватывать испанских курьеров и не позволить им пробраться в Панаму. Можете быть уверены, ни один не проскользнет.

- Отлично, вот славное распоряжение!

- Еще тридцать разведчиков, число которых, однако, может быть увеличено по мере необходимости, составят эстафетную цепь между пунктом, который вы займете, и Сан-Хуаном, где расположится штаб-квартира Монбара. Вы убедитесь на деле, как быстро будут доставляться известия.

- Очень хорошо, дальше.

- Остальные воины останутся под моей командой и будут наготове исполнить ваши приказания... Довольны ли вы, капитан?

- Ваши распоряжения превосходны, менять ничего не нужно.

- Тем лучше! А теперь о требованиях моего племени.

- Говорите.

- Две тысячи ружей с двадцатью зарядами пороха и пуль на каждое, две тысячи сабель и две тысячи кинжалов.

- Согласен! Требование вполне обоснованное. Вооруженные таким образом, ваши единоплеменники могут не опасаться испанцев.

- Правда, их прежнее оружие вовсе не страшно белым, железо они ковать не имеют, испанцы же остерегутся снабдить их хорошим оружием или наставлением, как им воспользоваться.

- Понятно; это все?

- Нет, они желают, чтобы вы прислали на несколько дней кого-нибудь из ваших братьев выучить их обращаться с огнестрельным оружием.

– И это условие я принимаю, находя естественным и справедливым, любезный друг, нет ли еще чего?

– Есть, но они боятся, что вы откажетесь это исполнить.

– Все-таки скажите, мы увидим.

– Они говорят, видите ли, что не всегда же вы будете снабжать их порохом и пулями, а когда их запас истощится, ружья не могут им служить.

– Само собой разумеется, но стоит им захотеть, и это затруднение будет устранено.

– Каким образом?

– Пусть сами готовят порох и льют пули, черт возьми!

– Как! Вы согласились бы, капитан?..

– Открыть им секрет? С превеликой охотой! – с живостью перебил Прекрасный Лоран. – Разве они не будут пользоваться этими средствами обороны против наших общих врагов – испанцев? Напротив, нам это на руку, – засмеялся капитан. – К тому же порох делать легко, в здешнем краю есть все, что для этого требуется, то есть сера, селитра и уголь, вам только надо научиться смешивать эти три вещества, это будет несложно, достаточно увидеть раз или два. А свинец, чтобы лить пули, вы будете брать у испанцев, вот и все. Желаете вы еще что-нибудь?

– Нет, капитан, мне остается только от души вас поблагодарить.

– Полноте, сперва еще нужно все исполнить. Когда вы отправляетесь?

– Сейчас, если возможно. Чем быстрее я окажусь в дороге, тем скорее отыщу дочь.

– И то правда. Бартелеми, отбери четырнадцать из самых смысленых твоих товарищей, и все пятнадцать отправляйтесь к Хосе.

- Сейчас отобрать?
- Конечно, наш друг ждет.
- Мигом будет сделано. Бартелеми вышел.
- Ты уверен, что никто вас не подкараулит?
- Ручаюсь, мы пройдем большим подземельем.
- О! Тогда я спокоен. Лошади у вас есть?
- Я поставил шестнадцать в тайных конюшнях.
- Можете ли вы взять с собой мулов, не рискуя привлечь внимание?
- Конечно, можем.
- В таком случае вы возьмете с собой два ящика с ружьями, саблями и кинжалами, словом, человек на сто оружия, а кроме того, два ящика с порохом и пулями. Ты ведь знаешь, где все это?
- Знаю, капитан, вы поступаете великодушно.
- Просто исполняю свой долг, и более ничего. Он сел, написал письмо и запечатал его.
- Вот два слова к Монбару, повидайся с ним при первой возможности, дай ему подробный отчет о том, что мы сделали и что сделал ты сам, он выдаст тебе все оружие и боеприпасы, которые означены в договоре. Через неделю твои воины должны быть в состоянии принять деятельное участие в экспедиции.
- Положитесь на меня.

Спустя полчаса Хосе простился со своими друзьями и уехал в обществе Бартелеми и четырнадцати хорошо вооруженных буканьеров.

События начинали следовать одно за другим со страшной быстротой, чтобы в конце концов привести к чудовищной катастрофе.

Испанцы же продолжали пребывать в полнейшей беззаботности.

Глава V. Как Лоран вступил в перестрелку, когда вовсе этого не ожидал

По прибытии в Панаму Лоран как следует обосновался в своем доме и зажил на широкую ногу. Молодой человек слишком хорошо знал высокомерный нрав испанцев, чтобы допустить ошибку и избрать скромный образ жизни или же напускной простотой во вкусах заставить смотреть на себя косо.

В Испании – и еще больше в испанских колониях – внешний вид, наружность значат все.

Даже дом губернатора, хоть и славился во всей провинции своей роскошью, не мог состязаться в великолепии с Цветочным домом.

Высокое положение в обществе налагает известные обязанности. Граф де Кабель-Морено, племянник вице-короля Новой Испании, должен был с честью нести имя своих благородных предков. Двадцать лошадей стояло у него в конюшне, тридцать слуг, лакеев, ездовых, привратников, поваров, садовников, конюхов и бог весть кого еще, в ливреях с галунами по всем швам, наполняли дом.

Прислуга эта, поставленная вначале Тихим Ветерком в числе всего двадцати человек, впоследствии, при побеге из тюрьмы пленников, захваченных доном Пабло, увеличилась на треть и целиком состояла из флибустьеров, смелых молодцов, присутствие которых было рассчитано на случай, если потребуются их содействие.

После отъезда Бартелеми и его товарищей число прислуги в графском доме сократилось до двадцати человек.

Уезжая из дома, Лоран брал с собой десять человек с Мигелем Баском во главе, остальные десять под командой Данника должны были сторожить в отсутствие капитана дом, в который, конечно, возбранялось входить всем посетителям, кроме тех, кому был известен некий определенный знак. Разумеется, это условие не распространялось на Тихого Ветерка и его экипаж; эти люди вольны были входить и выходить когда им угодно.

Данник был удачно выбран для точного соблюдения этого строгого предписания: достойный исполнитель принадлежал к той породе верных бульдогов, которых не возьмешь ни угрозой, ни лаской, а полученное ими приказание они исполняют во что бы то ни стало, буквально, без рассуждений.

На другое утро все было готово к отъезду. Оседланных лошадей держали под уздцы на дворе, они то и дело ржали от нетерпения. Десять слуг в блестящих ливреях, вооруженных с ног до головы, ожидали только приказания господина, чтобы вскочить в седло.

Изысканный завтрак был подан в гостиной, обставленной зеленью.

Часам к восьми утра пеон дона Хесуса Ордоньеса прибежал объявить о скором прибытии своего господина.

Мигель Баск, уже получивший инструкции, тотчас вскочил на лошадь и поскакал навстречу асиендадо.

Мигелю было поручено пригласить его с дочерью слегка перекусить перед дорогой, так как ехать придется весь день и до позднего вечера.

Дон Хесус, на великолепной лошади, с четырьмя слугами, также верхами и хорошо вооруженными, и с четырьмя пешими пеонами, с достоинством представлял креольскую аристократию. Немного позади на мулах-иноходцах, буквально погруженные в волны кисеи, ехали донья Флора и прелестная дочь губернатора дона Рамона де Ла Круса, которая непременно хотела ехать с подругой. За ними также на мулах ехали три-четыре камеристки – метиски, находившиеся исключительно при молодых девушках.

Вся эта процессия имела чрезвычайно величественный вид.

Мигель Баск исполнил свое поручение с глубочайшей почтительностью.

Дон Хесус замялся было для вида, но тотчас принял приглашение по просьбе девушек, которым очень хотелось взглянуть изнутри на дом, прославившийся своей царской роскошью.

Вся процессия въехала во двор Цветочного дома.

Лоран в богатом костюме любезно вышел навстречу дамам и подал им руку, чтобы помочь сойти с мулов. Лошади, мулы и слуги асиендадо поступили в ведение Данника, а капитан повел своих гостей в гостиную, где была приготовлена закуска.

Молодой человек был приятно изумлен при виде доньи Линды. Он знал, что может свободно говорить при ней с доньей Флорой, поверенной которой она была, и надеялся, что ее присутствие даст ему возможность чаще беседовать во время пути со своей возлюбленной.

В восторге от любезного внимания графа девушки выразили ему свою благодарность с откровенностью креолок, которые с первой же минуты вводят приятную короткость между людьми одного с ними круга.

Закуска была подана по всем правилам строжайшего этикета. Донья Флора и ее подруга с удовольствием отведали всего понемногу, увлеченные радостями настоящей минуты. Они совсем забыли о путешествии и болтали наперебой, не думая о времени, которое летело очень быстро. Капитан разговаривал и смеялся с такой же беззаботностью, как и его хорошенькие гости, и просто упивался присутствием доньи Флоры, глаза которой говорили ему нежные речи, каких губы не решались произносить вслух.

Пленительная беседа, по всей вероятности, продлилась бы весь день, и время летело бы незаметно для этих молодых сердец, если бы не асиендадо, который, к счастью или к несчастью, смотря с какой точки зрения читателю будет угодно взглянуть на это, вовсе не был влюблен; напротив, как человек практичный он никогда не поддавался сентиментальному вздору и думал лишь о насущных, а

потому чрезвычайно важных делах. Поэтому без малейшей пощады, к радости девушек, он резко напомнил, что давно следовало бы быть в дороге и что необходимо отправляться в путь не теряя ни минуты, если они хотят вечером быть на асиенде дель-Райо, а не провести ночь под открытым небом.

Было около десяти часов утра и потеряно целых два часа – но потеряно ли? Бесспорно, ни донья Флора, ни Лоран, ни даже сама донья Линда в глубине души этого не думали, хотя мнения своего вслух не высказывали и тотчас покорились требованию дон Хесуса.

Лоран свистнул в золотой свисток и на пороге появился Мигель.

– Чтобы через десять минут все было готово к отъезду, – приказал капитан.

Мигель молча поклонился и вышел.

– У вас отлично вышколена прислуга, дон Фернандо, – с улыбкой заметил асиендадо.

– Все старые слуги нашего рода, – небрежно ответил молодой человек, – весьма усердны.

– Черт возьми! Трудно найти лучших!

– Полагаю, – с оттенком легкой иронии сказал Лоран.

– И все они, ей-богу, имеют какой-то воинственный вид. Весело смотреть на них.

– Почти все они прежде были солдатами. Они кротки, как агнцы, но в случае необходимости могут стать страшнее львов.

– Гм! Не мешает принять это к сведению. Вы, вероятно, берете нескольких слуг с собой?

– Человек десять, не более. Сначала я хотел было, узнав, что донья Флора удостоит нас своим обществом, просить конвой у его высокопревосходительства господина губернатора, но, обдумав все хорошенько, нашел, что справлюсь со

всем сам.

– Отец был бы очень рад оказать вам услугу, граф, – с улыбкой сказала донья Линда.

– Я уверен, сеньорита, но отряд войска, что не говори, всегда стесняет, поэтому я предпочел не докучать дону Району такой мелочью.

– Отлично сделали, дон Фернандо, – заметил асиендадо. – Что же касается меня, то я нисколько не боюсь нападения бежавших недавно воров-флибустьеров, которые, вероятно, бродят по окрестностям.

– Пока вы и ваша прелестная дочь будете находиться под моей охраной, вам некого бояться, сеньор дон Хесус.

– Я убежден в этом и благодарю вас, граф.

– Стало быть, опасности подвергаюсь одна я! – весело вскричала донья Линда. – Боже мой! Что будет со мной, – воскликнула она трагикомическим тоном, – если на нас нападут разбойники?

– Вы и донья Флора, сеньорита, – любезно ответил граф, – в моих мыслях составляете одно нераздельное лицо.

– Это немного успокаивает меня, однако предупреждаю вас, граф, что для большей безопасности в течение всего времени пути вы почти неотлучно должны находиться при наших особах. Никогда нельзя знать заранее, что может случиться!.. Что ты думаешь об этом, Флора?

– Нахожу очень разумным, – тотчас ответила подруга.

– Итак, граф, извольте с этим считаться, если не хотите получить выговора.

– Я покорюсь вашей воле, как велит мне долг, сеньорита.

– Очень вам сочувствую, дон Фернандо! – вскричал асиендадо, расхохотавшись во все горло. – Я-то знаю этих чертенят: что они решат, того обязательно

добьются!

– Мне придется смириться с моей долей, дон Хесус.

Вошел Мигель.

– Все готово, ваше сиятельство, – сказал он.

– Скорее в путь! – вскричал асиендадо. Все встали из-за стола и вышли из гостиной.

Слуги дона Хесуса и Лорана уже сели на лошадей в ожидании господ.

Лоран помог дамам сесть и сам вскочил в седло.

Спустя четверть часа блистательная процессия оставила город далеко за спиной и находилась в открытом поле.

Впереди на расстоянии пистолетного выстрела ехали двое слуг графа, потом еще двое слуг графа и четверо слуг дона Хесуса, все под командой Мигеля Баска.

Непосредственно за ними следовали две девушки, так плотно завернувшись для защиты от солнца в кисею, что на виду оставались одни глаза. Возле них были: справа, рядом с доньей Флорой, – Лоран, а слева – дон Хесус.

Затем шествовали камеристки и пеоны, по обыкновению трусившие пешком.

Замыкали группу шестеро слуг графа, ехавшие шагах в двадцати позади.

Все всадники имели при себе ружья и пистолеты в седельных сумках.

Один Лоран и дон Хесус не были вооружены, их ружья вез, перекинув перед собой поперек седла, Юлиан, который ехал в двух шагах позади своего господина.

Все ружья эти, правда, были испанской работы, но тем не менее отличались отменным качеством.

Лошади шли своим обычным аллюром, то есть галопом; испано-американские лошади никогда не идут рысью, и рысь их чрезвычайно тряска.

Длинный кортеж быстро двигался вперед, мулы следовали иноходью и не проявляли ни малейших признаков усталости.

– Извините, дон Фернандо, – вдруг нарушил установившееся было молчание асиендадо, – мне кажется, я не вижу проводника-индейца, который находился с вами, когда вы посетили меня на асиенде дель-Райо при вашем прибытии в этот край.

– Правда, сеньор дон Хесус, этого человека со мной теперь нет, я нанял его довести меня до Панамы, где и отпустил. С тех пор я его не видел... А разве он вам известен?

– Мне?

– Да.

– О! Почти нет, хотя мне довольно часто доводилось иметь дело с подобными субъектами. Этот Хосе... ведь так его зовут, если не ошибаюсь?..

– Да, вы правы.

– ...слывет порядочным негодяем, я никогда не хотел принимать услуг этого краснокожего, несмотря на его усиленные просьбы.

– У него в самом деле дурная слава?

– Ничего определенного я про него сказать не могу, но вообще слухи о нем ходят очень невыгодные, и в том, что говорят, полагаю, должна крыться доля истины.

– Так бывает не всегда, сеньор дон Хесус.

- Пожалуй, дон Фернандо, но человек благоразумный от сомнительных дел старается воздерживаться...

- И вы воздерживались от того, чтобы дать работу этому бедняге?

- Признаться, да.

- Вы удивляете меня, так как в Чагресе мне всячески хвалили его.

- Скажите пожалуйста! Впрочем, кто знает? Может быть, он исправился, чего от души ему желаю, хотя позволю себе усомниться.

- Почему же, дон Хесус?

- Да как бы вам сказать... Знаете пословицу, правда, немного пошлую: каков в колыбельке, таким и в могилку?

- Что вы под этим подразумеваете?

- Что хорошие остаются хорошими, а дурные - дурными.

- Полноте, дон Хесус, вы что-то уж слишком строги к этому несчастному.

- И у вас не появилось повода быть недовольным им за все время, пока он находился в вашем распоряжении?

- Ни малейшего, напротив, не мог нахвалиться.

- Значит, все хорошо.

Тут разговор перешел на другие темы, сделался общим между четырьмя путешественниками и вскоре принял характер веселой беседы.

Время шло, было около шести часов пополудни, и солнце уже клонилось к горизонту, когда дон Хесус весело объявил, что асиенды дель-Райо они достигнут самое позднее через час, то есть к семи, прежде чем совсем стемнеет:

ехали очень быстро и по дороге самой прямой и удобной.

Наши путешественники все скакали, смеясь и разговаривая, когда вдруг один из передовых дал шпоры лошади и помчался вихрем.

- Что это? - вскричал Лоран. - Что там происходит? Асиендадо побледнел.

- Не знаю, - пробормотал он, - не мешало бы осведомиться.

- Сейчас я сделаю это. Юлиан, подай ружье; Мигель, становись во главе, собери всех в кружок около дам и сеньора дона Хесуса и жди тут с пистолетами наготове. Ты ответишь мне головой за тех, кого я поручаю твоей охране.

Эти слова были произнесены резким и повелительным тоном, не допускающим возражения.

Несмотря на естественный испуг, девушки не могли налюбоваться воинственным выражением лица молодого человека, который точно преобразился.

- Будьте спокойны, ваше сиятельство, - хладнокровно ответил Мигель.

- Ради бога, не бросайте нас, дон Фернандо! - вскричала донья Флора.

- Так надо, - возразил он глухо и, не слушая больше ни слова, помчался во весь опор и, в свою очередь, мгновенно скрылся из глаз.

Оставшись один и видя, что нечего ждать помощи от асиендадо, который стоял бледный, как смерть, дрожа всем телом, Мигель Баск с трудом поборол улыбку презрения и решился принять командование, которое поручил ему Лоран.

Он собрал весь поезд посреди дороги, поместил дам, дону Хесуса и камеристок в центре группы, своих людей и слуг асиендадо расставил вокруг, а сам отважно встал шагах в четырех или пяти впереди.

- Держать ухо остро! - приказал он.

Он решил храбро встретить лицом опасность, какого бы рода она ни была.

Между тем Лоран несся во весь дух, и за ним, не отставая ни на пядь, следовал Шелковинка, который ни за что не хотел бросать его одного. Вскоре Лоран увидел своего передового, который отбивался от четырех беглых негров, окруживших его со всех сторон.

Дон Фернандо был один с Юлианом, другому передовому он велел примкнуть к основному отряду, оставшемуся позади, тем не менее бесстрашный капитан ринулся очертя голову к кучке сражавшихся, крикнув громовым голосом Береговому брату, чтобы он держался.

Однако, подскакав ближе к месту действия, он ясно увидел, в чем дело.

Оказалось, беглых негров было не четверо, как ему смутно представлялось издали, а по меньшей мере пятнадцать, и они наседали на флибустьера и троих индейцев, храбро им сопротивлявшихся. Два негра и один краснокожий уже лежали мертвые на земле.

Шайкой разбойников командовал Каскабель, у его ног лежала распростертая в обмороке женщина.

Лоран сразу понял, что это Аврора, похищенная презренным метисом, а храбро сражавшиеся индейцы, судя по всему, это валла-ваоэ, которые настигли похитителей и старались отбить дочь своего вождя.

– Вперед, Шелковинка, черт побери! Покажем этим негодьям! – вскричал Лоран, вонзив шпоры в бока лошади.

Шелковинка мог при случае заменить взрослого мужчину. Итак, они вдвоем ринулись к сражающимся.

Пора было подоспеть помощи так храбро оборонявшимся флибустьеру и краснокожим.

Лоран и Шелковинка выстрелили в самую гущу противников сперва из ружей, потом из пистолетов и наконец стали наносить удары направо и налево саблями.

Негры, плохо вооруженные, огнестрельного оружия не имели вовсе, им и так приходилось несладко в борьбе, где они брали числом; при внезапном нападении новых противников они решили, что погибли, дрогнули, отступили и старались пробраться ближе к своим лошадям.

– Ей-богу! Вовремя вы подоспели, капитан, – со смехом воскликнул флибустьер. – Слишком уж много их оказалось у нас в руках.

– Будь спокоен, Гуляка, – ответил Лоран, заряжая ружье и пистолеты, – только дай лошадям перевести дух, и мы покажем этим негодьям.

В эту минуту, как бы по обоюдному согласию, в схватке наступил перерыв: силы и с той, и с другой стороны истощились; но противники отдыхали не долго.

На непонятном для флибустьеров языке Каскабель сказал несколько слов своим товарищам, и те мгновенно, все разом, снова бросились в бой.

Их ждал энергичный отпор. Несмотря на все свои усилия, негры были вынуждены отступать шаг за шагом – правда, тесно сплотившись и лицом к врагу.

Лоран тотчас понял причину этой новой тактики, когда увидел, что Каскабель нагнулся, чтобы взять на руки Аврору, которая продолжала лежать без чувств.

Метис хотел воспользоваться последним отчаянным натиском и в суматохе скрыться со своей добычей. Он поднял девушку, передал ее одному из своих соучастников, вскочил на лошадь и уже наклонился, чтобы подхватить пленницу, которую подавал ему на вытянутых руках негр.

Вдруг одновременно раздались два выстрела: Лоран и Шелковинка прицелились каждый в свою жертву и промаха не дали.

Каскабель испустил яростный рев от боли и умчался во весь опор. Пуля Юлиана раздробила ему правую руку у плеча.

Негр же свалился как сноп, пуля Лорана размозжила ему череп. Падая, убитый увлек за собой и девушку, которая не приходила в себя.

Схватка к этому моменту превратилась в настоящую резню, похитители, загнанные словно дикие звери, отчаянно защищались, но вскоре их осталось не более пяти-шести, по большей части раненых. Брошенные предводителем, и они бросились врассыпную.

Лоран пренебрег погоней за ними. К чему? Разве девушка не была спасена, цела и невредима?

Он предоставил Шелковинке и Гуляке гнаться сколько душе угодно за лошадьми беглецов, которые бросались во все стороны, а сам соскочил наземь и приблизился к Авроре.

Индейцы уже оказали первую помощь девушке, которая лишилась чувств только от испуга.

– Слава богу! – прошептал он. – Больше мне делать здесь нечего, дочь моего друга спасена.

– Кто ты? – спросил, поднявшись, один из индейцев, человек лет пятидесяти, черты лица которого были отмечены печатью невыразимого благородства и величия.

– Уж не принимаешь ли ты меня за врага? – спросил Лоран с добродушной улыбкой.

– Нет, ты сделал для нас то, на что не решился бы даже преданный друг. Тебе мы обязаны жизнью, честью и свободой дочери нашего любимого вождя. Скажи мне свое имя, чтобы мы могли восхвалять его как имя благодетеля.

– Мое имя ничего тебе не скажет, ты его не знаешь, но я друг валла-ваоэ и брат их вождя Туш-и-Дур-Амга, я тот белый воин, который заключил союз с твоим племенем.

– Я знаю тебя, брат; валла-ваоэ благодарны, ты скоро увидишь, на что они способны, когда защищают тех, кого любят.

– Сейчас я видел их в деле, ты и твои воины – большие храбрецы.

Индеец гордо улыбнулся.

- Благодарю! - сказал он.

- Девушка приходит в себя, скоро она сможет сидеть на лошади. - продолжал Лоран. - Что ты намерен делать? Хочешь ехать со мной или же собираешься отвезти ее к отцу?

- Туш-и-Дур-Амг оплакивает возлюбленную дочь, он призывает ее с рыданиями. Шон-Энг-И повезет ее к нему.

- Разве вождь близко отсюда?

- В двух часах ходьбы.

- И ты не боишься, что вернется неприятель?

- Нет, - возразил индеец с улыбкой, - теперь у нас будут лошади, а негры пешком... Да они и не вернуться, они бегут в страхе.

- Да, ты прав, лучше всего вернуть девушку отцу. Лоран снял при этих словах перстень с руки и подал его индейцу.

- Пусть Шон-Энг-И отдаст этот перстень вождю, Туш-и-Дур-Амг узнает его, - прибавил он.

- Все будет исполнено. Не хочет ли сказать бледнолицый воин доброе слово молодой девушке нашего племени?

- Нет, - возразил Лоран, - первая улыбка ребенка принадлежит отцу; мы еще увидимся с ней... А вот и лошади, выбери, каких пожелаешь.

Возвращавшиеся флибустьеры действительно гнали перед собой полтора десятка лошадей.

Шон-Энг-И сделал знак одному из своих товарищей. Тот отделил пять лошадей.

– Теперь, – продолжал Прекрасный Лоран, – вам больше нечего здесь делать. Посадите девушку на лошадь и уезжайте. Мой отряд, который остался в миле позади нас, будет для тебя надежным, хотя и невидимым прикрытием до асиенды дель-Райо, где я останавливаюсь. Но поторопись, не хочу, чтобы едущие со мной знали, что тут происходило.

– Брат мой говорил хорошо, – ответил краснокожий воин, – я повинуюсь ему.

Он и его спутники тотчас вскочили в седла.

Лоран бережно поднял на руки и посадил на седло перед индейцем девушку, которая все еще не очнулась от обморока.

– До скорого свидания! – сказал он индейцам.

– До свидания! – ответил вождь.

Обменявшись последним поклоном с капитаном, трое индейцев пустили лошадей во весь дух и почти мгновенно скрылись за поворотом дороги.

– Ни слова обо всем случившемся, – сказал Лоран.

– Хорошо, капитан.

– А с лошадьми-то что делать? – поинтересовался Гуляка. – Они такие красивые.

– Увести их, черт побери! – вскричал Лоран. – Продай их, Гуляка, дон Хесус наверняка не устоит перед покупкой, а деньги ты разделишь поровну с товарищами.

– Благодарим, капитан, с вами приятно иметь дело: хоть и приходится драться, зато всегда добыча перепадет.

– Надо спешить назад; наши спутники, я думаю, встревожены, что нас так долго нет.

Они помчались во весь опор.

Глава VI. Как дон Хесус признался Лорану, что боится его, сам не зная почему

Хотя Мигель Баск и кипятился в душе и отчаянно кусал усы, он в точности исполнил данное ему поручение и оставался неподвижен, как каменная глыба, посреди дороги, зорко осматриваясь по сторонам, чтобы не быть застигнутым врасплох. Следуя его примеру, остальные девять флибустьеров, гордо подняв голову, с грозным блеском во взоре, держа ружья наготове, не сводили с него глаз, чтобы повиноваться его малейшему знаку.

Своей гордой и воинственной осанкой, спокойствием и строгой дисциплиной эти десять человек представляли собой поразительную противоположность с теми, кого они должны были охранять. Бедняги-пеоны дрожали всем телом и дико озирались вокруг, готовые дать стрекача при первом же признаке переполоха; дон Хесус Ордоньес, бледный как мертвец, дрожал сильнее всех, беспрестанно ударяя себя в грудь, и бормотал молитвы, сам не понимая, что делает.

Женщины оказались гораздо храбрее. Немного опомнившись от первого испуга, они принялись с любопытством осматриваться и невольно сравнивали жалкий вид своих пеонов с выражением беспечной отваги графских слуг; они понимали, что в случае нападения могли рассчитывать только на их защиту.

Треск доносившейся до них ружейной пальбы еще больше усилил страх и смятение пеонов; некоторые из них в душе уже были готовы дать тягу, но Мигель, который вострепнулся, услышав перестрелку, словно благородный конь, почувствовавший шпоры, повернулся к трусам, взвел курок пистолета и с выражением во взоре, в значении которого ошибиться было нельзя, грозно крикнул:

– Первому, кто тронется с места, я всажу пулю в лоб! Предостережение возымело действие, пеоны не заставили повторять его, и все пришло в надлежащий порядок.

Спустя немного времени шесть или восемь окровавленных негров в страхе пробежали на некотором расстоянии от дороги. Увидев, что они бегут в ужасе, трусы вдруг превратились в храбрецов и хотели было по ним стрелять.

- Победенных не бьют, - опять сказал Мигель Баск.

И великодушный флибустьер презрительно пожал плечами.

- Однако, друг мой, - обратилась к нему донья Флора, - зачем же нам оставаться здесь дольше? Быть может, ваш господин подвергается опасности! Лучше бы поспешить к нему на помощь.

- И в самом деле, - прибавила донья Линда. - Бедный граф! Нельзя же оставить его таким образом одного. Ради бога, отправимся за ним вслед!

- Прелестнейшие сеньориты, - возразил Мигель Баск с поклоном и сладкой улыбкой, - если его сиятельство и находится в опасности, то, как бы велика она ни была, это его дело, он выпутается, как сумеет. Мне же он приказал оставаться здесь и охранять вас, что я и исполню, хоть бы целый легион чертей налетел сюда невзначай и попытался переломать нам ребра.

- А что если он убит?! - вскричала донья Флора в ужасе.

- Убит? Он-то? - пожал плечами флибустьер. - Видно, что вы не знаете его, сеньорита! Не настолько он неловок.

- Все же его могли ранить, - прибавила донья Линда.

- Ранить? Его? Это невозможно. Во-первых, сражение - это его стихия, он счастлив только там.

- Но а все же? - настаивали девушки.

- Ну, что я вам говорил? - бесцеремонно перебил их Мигель. - Вот он возвращается - такой же веселый и бодрый, как будто ездил на прогулку. Вы его видите?

– Да, да, это правда! – с живостью сказала донья Флора, бледное лицо которой вдруг вспыхнуло.

– Действительно, это он, – прибавила донья Линда вполголоса. – Странно, – закончила она про себя, – он совершенно преобразился, какая гордая осанка! Я совсем не знала его до сих пор!

Она вздохнула и отвернулась.

– Прости господи! – весело вскричал Мигель Баск. – Его сиятельство граф захватил еще и добычу – десять превосходных лошадей! Только он способен на такие штуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бетель – смесь пряных листьев перца бетель с кусочками семян пальмы арека и небольшим количеством извести. Используется как жвачка, возбуждает нервную систему.

2

Фут равен приблизительно 30,5 см.

3

Дюйм равен приблизительно 2,5 см.

4

Постановку на шпринг выполняют при помощи особого якорного устройства того же наименования, когда необходимо удержать судно в определенном положении по отношению к ветру или течению.

5

Кабельтов – здесь: трос, канат.

6

Асиендадо – владелец асиенды (крупного поместья).

Купить: https://tellnovel.com/ru/emar_gustav/morskie-titany

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)